

В АФГАНСКОЙ СЕМЬЕ
ДОЛЖЕН БЫТЬ СЫН.
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.

— ВВС —

Подпольные девочки Кабула

ДЖЕННИ НОРДБЕРГ
ОБЛАДАТЕЛЬ ПУЛИЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

18+

Вокруг планеты за 80 книг

Дженни Нордберг

**Подпольные девочки Кабула.
История афганок, которые
живут в мужском обличье**

«ЭКСМО»

2015

УДК 159.922.1
ББК 88.53

Нордберг Д.

Подпольные девочки Кабула. История афганок, которые живут в мужском обличье / Д. Нордберг — «Эксмо», 2015 — (Вокруг планеты за 80 книг)

ISBN 978-5-699-85595-7

Их одевают и воспитывают как мужчин. Они – нерожденные сыновья, внуки и братья. Каждый в Афганистане знает их секрет, но никогда не говорит об этом вслух. Ежедневно они бросают вызов шариатскому порядку. Бунтарки и одновременно узницы собственного тела, которое с каждым годом все больше выдает их секрет. Их жизнь – воплощенная провокация. Их награда – свобода, которой они лишаются, как только наденут паранджу. Эти девочки – тайна, и в тайне весь смысл.

УДК 159.922.1
ББК 88.53

ISBN 978-5-699-85595-7

© Нордберг Д., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	8
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56
Комментарии	

Дженни Нордберг

Подпольные девочки Кабула.

История афганок, которые живут в мужском обличье

Jenny Nordberg

THE UNDERGROUND GIRLS OF KABUL

Copyright © 2014 by Jenny Nordberg

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc. and Aitken Alexander Associates Ltd
and The Van Lear Agency LLC.

© Мельник Э. И., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается всем девушкам, которые выяснили, что в брюках
можно бегать быстрее и взбираться выше*

Это повествование составлено по репортажам из Афганистана, Швеции и Соединенных Штатов в период между 2009 и 2014 годами. Большая часть событий книги относится к 2010–2011 годам. Я излагала истории ее персонажей так, как они были рассказаны мне, стараясь найти подтверждение всем тем подробностям, которым сама я не была свидетельницей. Все мои герои и героини дали согласие на беседу со мной ради составления этой книги; они сами выбирали, сохранять ли им анонимность. В некоторых случаях имена или подробности личного плана были изменены или опущены в целях сохранения тайны личности. Никому из героев не предлагали и не вручали никакого вознаграждения. Труд переводчиков был оплачен. Любые ошибки из-за неточностей перевода или моих собственных ограничений – на моей ответственности.

Это – субъективный отчет.

Только бы не афганкой...^[1]

Я хотела бы быть кем угодно на свете –
Только б не женщиной.
Попугайхой стала б,
Овечкой,
Оленихою иль
Воробьиной, живущей на дереве.
Но не афганкой.

Я была бы турчанкой,
Чтоб ласковый брат мог держать меня за руку.
Я бы стала таджичкой,
А может, иранкой,
А то и арабкой,
И муж мой шептал бы мне:
«Как ты прекрасна!»

Но, увы, я – афганка.
Где нужда –
Там и я.
Где есть риск –
Я всех ближе к нему.
Где найдется печаль –
Она будет моя.
А где право –
Там я позади.

Правда за тем, кто силен, а я –
Женщина,
Всегда одинокая,
Слабости вечный пример.
И никнут плечи мои
Под бременем мук и трудов.

Хочу ли заговорить –
Язык мой во всем виноват.
И голос мой нестерпим
Для безумного слуха.
Руки мои бесполезны,
И от ног моих глупых
Нет толку,
И бреду я без цели, сама
Не зная куда.

Доколь принимать мне страданье?
Когда ж мне природа объявит: «свободна»?

Где же, о где Справедливости дом?
Кто назначил мне жребий?
Скажите ему,
Скажите ему,
О, скажите ему –

Я мечтала бы стать кем угодно на свете –
Только б не женщиной,
Только бы не афганкой.

Ройя
Кабул, 2009 г.

Пролог

Переход начинается здесь.

Я снимаю с головы черный платок и заталкиваю его в рюкзак. Волосы мои по-прежнему связаны в узловатый пучок на затылке. Уже скоро мы поднимемся в воздух. Выпрямляюсь и сажусь чуть вольнее, разрешая телу занять больше пространства. Я не думаю о войне. Я думаю о мороженом в Дубае.

Мы заняли все маленькие, обтянутые винилом кресла в зале отлета Кабульского международного аэропорта. Срок действия моей визы истекает через пару часов. Одна особенно оживленная стайка британских экспатов шумно празднует – впервые за несколько месяцев – передышку от жизни за колючей проволокой под присмотром вооруженной охраны. Три женщины, сотрудницы гуманитарной организации, одетые в джинсы и облегающие топы, возбужденно болтают о пляжном курорте. Трикотажная маечка сползает с плеча, обнажая клочок уже загорелой кожи.

Я во все глаза смотрю на эту демонстрацию плоти. В последние несколько месяцев я и собственное-то тело едва видела.

На дворе лето 2011 года, и исход иностранцев из Кабула длится уже больше года. Несмотря на последнее наступление, и многие военные, и работники иностранных гуманитарных миссий воспринимают Афганистан как страну потерянную. С тех пор как президент Обама объявил, что к 2014 г. начнется вывод американских войск из Афганистана^[2], международный караван лихорадочно готовится к отходу. Кабульский аэропорт – первая остановка на пути к свободе для этих стесненных, изнывающих от скуки, едва не теряющих голову консультантов, снабженцев и дипломатов.

Взлетная полоса аэродрома залита послеполуденным светом. Мой сотовый ловит сеть у одного из окон, и я вновь набираю номер Азиты. Тихий щелчок – и нас соединяют.

Она пребывает в эйфории после митинга с участием главного правительственного юрисконсульта и нескольких других должностных лиц. Присутствовала и пресса. Азита – политик, и в такие моменты она – в своей стихии. Я слышу, как она улыбается, описывая свой наряд:

– Ах, я была такая модница! И дипломатка притом. Все меня фотографировали. Би-би-си, «Голос Америки» и Толо-ТВ. На мне был бирюзовый платок – помните, тот самый, что вы видели на днях. Ну, вы меня поняли. И еще тот черный жакет... – она ненадолго замолкает. – И еще косметика. «Боевой раскрас».

Я делаю глубокий вдох. Я – журналистка. Она – моя героиня. Главное правило – не показывать никаких эмоций.

Азита слышит мое молчание и тут же начинает утешать меня. Вскоре ситуация улучшится. Она в этом уверена. Не стоит беспокоиться.

Объявляют мой рейс. Я должна идти. Мы обмениваемся обычными фразами: *«Это ненадолго. Не прощаемся. Да. Скоро увидимся»*.

Поднимаясь с пола, на котором все это время сидела, прижавшись к окну, чтобы не потерять связь, я фантазирую о своем возвращении. Из этого могла бы получиться финальная сцена какого-нибудь фильма. Тот момент, когда внезапное откровение толкает героя на отчаянную пробежку через весь аэропорт, чтобы все исправить. Добиться позитивной концовки. Ну и что, если мне придется провести еще один день в кабинете полковника Хотака, выслушивая нравоучения в связи с моей истекшей визой? Чашка чаю, штамп в паспорте – и он меня отпустит.

Мысленно представляя себе этот путь шаг за шагом, я понимаю, что никогда этого не сделаю. Ну как бы он выглядел, этот мой последний выход на сцену? Ворвалась бы я в дом Азиты с американскими солдатами по бокам? Или с представителями Комиссии по правам человека в Афганистане? Или просто сама по себе, со своим карманным ножичком и навыками перего-

ворщицы, пылая яростью и убежденностью в том, что все на свете можно исправить, приложив еще чуточку больше усилий?

Когда я прохожу через посадочный гейт, все эти сценарии блекнут. Так всегда бывает. Я иду вслед за другими – и снова делаю то, что совершаем мы все.

Я сажусь в самолет и улетаю.

Часть I Мальчики

Глава 1 Мать-бунтарка

Азита, несколькими годами ранее

– А наш братик по-настоящему – девочка!

Одна из сгорающих от нетерпения близняшек кивает, подкрепляя свои слова. Потом поворачивается к сестре. Та соглашается. Да, верно. Она может это подтвердить.

Две абсолютно одинаковые десятилетние девчушки. У каждой черные волосы, беленькие глазенки и редкая россыпь мелких веснушек. Пару минут назад мы танцевали под музыку «шаффл» с моего плеера, ожидая, пока их мать завершит телефонный разговор в соседней комнате. Мы передавали друг другу наушники, поочередно демонстрируя свои коронные движения. Хотя я так и не смогла сравняться с ними в затейливых вращениях бедрами, некоторые из моих самых вдохновенных «а теперь поем все вместе!» были встречены с одобрением. И впрямь наши голоса звучали весьма неплохо, отскакивая рикошетом от холодных как лед цементных стен квартирки в выстроенном «при Советах» лабиринте, который стал домом для горстки представителей немногочисленного кабульского среднего класса.

Теперь мы сидим на расшитом золотой нитью диване, рядом с которым девочки-близнецы накрыли чайный столик – стеклянные кружки и термос с помпой на серебряном подносе. *Мехман кхана* – наиболее богато убранная комната в афганском доме, ее предназначение – демонстрировать богатство и нравственность владельцев. Кассетные записи стихов Корана и искусственные матерчатые цветы в персиковых тонах занимают угловой столик, трещина на котором заклеена скотчем. Сестрицы-двойняшки, сидящие с аккуратно подобранными под себя ногами на диване, кажется, чуточку оскорблены тем, что я не реагирую на их великое откровение. Близняшка номер два наклоняется вперед:

– **Это правда! Он – наша сестренка.**

Я улыбаюсь им и снова киваю:

– Да-да.

Конечно.

Фотография в рамке на боковом столике демонстрирует их младшего братика, позирующего в пуловере с V-образным вырезом и при галстукке, рядом с ухмыляющимся усатым отцом. Это единственная фотография, выставленная в гостиной. Старшие дочери говорят по-английски ни шатко ни валко, зато с большим энтузиазмом, нахватавшись фраз из учебников и программ спутникового телевидения, которое обеспечивает тарелка, стоящая на балконе. Возможно, дело просто в языковом барьере.

– Ладно, – говорю я, не желая показаться недружелюбной. – Я поняла. Ваша *сестра*. А какой у тебя любимый цвет, Бенафша?

Девочка колеблется, пытаясь сделать выбор между красным и пурпурным, а потом переадресует вопрос сестре, которая столь же серьезно обдумывает его. Близнецы, обе одетые в оранжевые кардиганы и зеленые брючки, кажется, делают почти все с совершенно девчачьим синхронизмом. Их покачивающиеся головы венчают сверкающие резинки для волос, и только когда одна из них говорит, резинка другой на пару мгновений замирает. Такие моменты – шанс для новых знакомых начать различать близнецов: главный признак – крохотное родимое пятнышко на щеке Бехешты. *Бенафша* означает «цветок», *Бехешта* – «рай».

– Я хочу быть учительницей, когда вырасту, – предлагает Бехешта новую тему для нашей беседы.

Когда настает очередь девочек задать вопрос, обе они желают узнать одно и то же: замужем ли я?

Мой ответ их озадачивает, поскольку – как они полагают – я очень старая. Я даже на несколько лет *старше* их матери, которой 33 года (она замужем, четверо детей). У девочек есть еще одна сестра вдобавок к младшему братцу. К тому же их мать – член парламента страны. У меня по сравнению с ней так много «не» (*не* замужем, *не* мать, *не* член правительства) – говорю я девочкам. Кажется, такая классификация приходится им по вкусу.

В дверях внезапно появляется их братик.

У шестилетнего Мехрана загорелая круглая мордашка, глубокие ямочки на щеках, брови, которые скачут вверх-вниз, когда он гримасничает, и широкий просвет между передними зубами. Волосы его так же черны, как и у сестриц, только коротко стрижены и стоят торчком. В узкой красной джинсовой рубашке и голубых брючках, выставив вперед подбородок, уперев руку в бедро, он с важным видом вступает в комнату, глядя на меня в упор и нацелив мне в лицо игрушечный пистолет. Потом спускает курок и выпаливает свое приветствие: *паф!* Видя, что я не падаю и не палю по нему в ответ, он вытаскивает из заднего кармана пластикового супергероя. У его верного спутника блондинистые волосы, сверкающие белые зубы, две пулеметные ленты крест-накрест на выпяченной груди, и вооружен он пулеметом. Мехран говорит что-то игрушке на дари, потом внимательно прислушивается к ее «ответу». Кажется, они пришли к согласию: их атака увенчалась успехом.

Бенафша, сидящая рядом со мной, оживает, видя возможность наглядно доказать свою точку зрения. Она машет рукой, чтобы привлечь внимание брата:

– Скажи ей, Мехран. Скажи ей, что *ты – наша сестра*.

Уголки губ Мехрана ползут вниз. Он гримасничает, высунув язык, потом срывается с места и едва не врезается в мать, которая как раз входит в комнату.

Глаза Азиты подведены сурьмой, на лице – легкий намек на румяна. А может быть, просто след прижатого к щеке сотового телефона.

– Ну вот, теперь готова, – восклицает Азита, обращаясь ко мне.

Готова рассказать мне о том, о чем **я пришла узнать: каково это – быть здесь афганской женщиной**, почти десятилетие спустя после начала самой долгой войны в истории Америки и одной из крупнейших операций иностранных гуманитарных организаций за жизнь нынешнего поколения.

В момент нашего знакомства (состоявшегося сегодня утром) я собираю материал для телесюжета об афганках, а Азита уже четыре года является членом сравнительно нового для этой страны органа – парламента. Избранная в *Волеси Джирга*^[3] – одну из ветвей законодательной власти, учрежденную через несколько лет после поражения, нанесенного Талибану в 2001 г., – она обещала своим деревенским избирателям из провинции Бадгис, что будет направлять больше иностранной гуманитарной помощи в этот нищий и труднодоступный уголок Афганистана.

Парламент, в состав которого она вошла, в большинстве своем состоял из нарковоротил и милитаристов^[4] и, казалось, находился в состоянии паралича из-за глубоко укоренившейся коррупции; но это была какая-никакая попытка создать демократию – надежду многих афганцев. За последнее столетие в стране поочередно сменяли друг друга и терпели поражение разные формы правления: абсолютная монархия, коммунизм, исламский эмират под главенством Талибана... А то и вовсе никакого правления – в периоды гражданской войны.

Когда иностранные дипломаты и гуманитарные работники в Кабуле познакомились с Азитой и узнали в ней образованную женщину-парламентария, которая говорила не только

на дари, пушту, урду и русском, но и по-английски, и к тому же казалась сравнительно либеральным политиком, то из внешнего мира ручейком потекли приглашения. Ее возили в несколько европейских стран и в Йельский университет в Соединенных Штатах, где она рассказывала о жизни при Талибане.

Кроме того, для Азиты обычное дело – приглашать иностранцев в свою съемную квартиру в Макрояне, чтобы продемонстрировать собственный вариант нормальной жизни в типичном кабульском районе. Здесь на балконах грязно-серых четырехэтажных зданий, разбавленных редкими заплатками зеленой растительности, трепещет на ветру белье и спозаранку женщины собираются у крохотных пекарен «в одно окно», пока мужчины лениво разминаются гимнастикой на футбольном поле.

Азита гордится ролью гостеприимной хозяйки и всячески позиционирует себя как исключение из стереотипного представления об афганках – узницах в собственных домах, почти никак не связанных с обществом, часто неграмотных и находящихся в полной зависимости от демонических мужей, из-за которых света белого не видят. И уж точно не принимают у себя в гостях *фаранджи* – иностранцев, как некогда окрестили афганцы захватчиков. В наши дни иностранцев обычно именуют *амрикан*, независимо от их национальной принадлежности.

Азита с удовольствием демонстрирует наличие в доме водопровода, электричества, телевизора и видеоцентра в спальне; все это куплено на деньги, которые она заработала, став добытчицей в семье. Она знает, что это производит на иностранцев впечатление. Особенно на иностранок.

Со своими пылающими румянцем щеками, острыми чертами лица и осанкой под стать выпускникам кадетского училища, элегантно задрапированная с ног до головы в черные ткани, испускающая теплый аромат мускуса, смешанного с какими-то сладостями, Азита действительно отличается от большинства афганских женщин. При росте 168 см – который, пожалуй, еще немного увеличивает каблук узконосых, сорокового размера босоножек, – она оказывается даже выше некоторых своих гостей. Обычно они приходят в более практичной обуви, скорее пригодной для похода по сильно пересеченной местности.

Азита не выражает особой удовлетворенности, говоря о прогрессивных переменах для женщин начиная с 2001 г. в беседах с иностранцами, среди которых я – всего лишь «одна из» и самая недавняя знакомая.

Да, сейчас на улицах Кабула и нескольких других крупных городов стало больше женщин, чем при талибах, и больше девочек ходит в школу^[5]. Но, как и в предыдущих попытках реформирования, прогресс для женщин касается лишь жительниц столицы и горстки других городских территорий. Основные запреты и предписания Талибана в отношении женщин по-прежнему остаются законом в обширных областях этой почти неграмотной страны – законом, поддерживаемым консервативной традицией.

В провинциях до сих пор женщины носят бурки¹, редко работают и вообще не выходят из дома без своих мужей. Большинство браков доныне заключают без их согласия^[6], и «убийство чести» – не такая уж редкость^[7], а в случае изнасилования любое соприкосновение с системой правосудия^[8] обычно означает, что в тюрьму отправится сама жертва, обвиненная в адюльтере или добрачном сексе (если только ее по традиции не заставят выйти замуж за своего насильника). **Здесь женщины устраивают самосожжения^[9], облившись керосином, чтобы избежать домашнего насилия, а дочери по-прежнему остаются принятой неформальной валютой^[10], которой их отцы выплачивают свои долги и разрешают споры и разногласия.**

¹ Бурка – верхняя одежда, служащая полному сокрытию тела женщины (и с сеткой, закрывающей лицо). – Прим. ред.

Азита – одна из немногих женщин, имеющих возможность высказываться, но для многих она остается живой провокацией, поскольку ее жизнь отличается от жизни женщин в Афганистане, и угрозой для тех, кто держит женщин в подчинении. Вот ее собственные слова:

– Если вы съездите в отдаленные области Афганистана, то увидите, что в жизни женщин не изменилось *ничего*. Они по-прежнему напоминают рабынь. Животных. Нам еще далеко до того момента, когда женщину станут считать в нашем обществе человеком.

Азита сбрасывает с головы свой изумрудно-зеленый платок, под которым обнаруживается короткий черный «конский хвост», и приглаживает волосы. Я тоже избавляюсь от платка, спуская его на шею. Она с секунду смотрит на меня; мы с ней сидим в ее спальне.

– Я ни в коем случае не желаю своим дочерям тех страданий, что пришлось вынести мне. Мне пришлось убить многие свои мечты. У меня четыре дочери. И я этому очень рада.

Четыре дочери. Только дочери? Да что за странности происходят в этом семействе?! Я на миг задерживаю дыхание, надеясь, что Азита проявит инициативу и поможет мне разобраться.

И она это делает.

– Хотите посмотреть наш семейный альбом?

Мы снова перемещаемся в гостиную, где она достает из-под маленького плетеного письменного стола два фотоальбома. Дети часто разглядывают эти фотографии. Они рассказывают историю становления семьи Азиты.

Первый. Серия снимков с празднования помолвки Азиты, лето 1997 г. Двоюродный брат Азиты, за которого ей предстоит выйти замуж, юн, тощ и долговяз. На его лице маленькие островки растительности все еще с трудом силятся сойтись посередине, чтобы образовать настоящую бороду – неперенное требование для взрослого мужчины времен правления Талибана. На невесте надеты тюрбан и коричневый шерстяной камзол поверх традиционных белых *перан тонбан* – длинной рубахи и свободных брюк. Ни один из примерно сотни гостей не улыбается. По афганским меркам, где на празднике запросто может присутствовать более тысячи человек, это было небольшое и ничем не впечатляющее сборище. Этаким моментальный снимок «смычки города и деревни». Азита – получившая элитное образование дочь профессора Кабульского университета. А ее будущий муж – сын крестьянина.

Засняты несколько постановочных моментов. Жених пытается накормить свою будущую жену розово-желтым тортом. Она отворачивается. В свои девятнадцать Азита – более худая и более серьезная версия себя взрослой, в кобальтово-синем шелковом кафтане со скругленными подплечниками. Ее ногти выкрашены ярко-красным лаком под стать карминным губам, оттеняемым напудренной до белизны кожей, из-за чего ее лицо кажется маской. Прическа – туго заплетенное, топорщащееся от лака «птичье гнездо». На другом снимке будущий муж подает Азите праздничный кубок, из которого ей полагается выпить. Она напряженно смотрит в камеру. Ее матовое, запудренное лицо изборождено вертикальными линиями, бегущими вниз от темно-карих глаз.

Через несколько альбомных страниц дочери-близнецы позируют вместе с матерью Азиты – женщиной с высокими скулами и волевым носом, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. И Бенафша, и Бехешта посылают воздушные поцелуи своей *биби-джан*, которая по-прежнему живет с их дедом на северо-западе Афганистана. Вскоре на фотографиях появляется и третья маленькая девочка. Средняя сестра, Мехрангис, выделяется косичками и чуть более округлым личиком. Она позирует рядом с двумя одинаковыми мини-Азитами, которые вдруг выглядят очень взрослыми в своих белых платьях с оборками.

Азита переворачивает страницу: *Новруз*, персидский Новый год в 2005 г. Четыре маленькие девочки в платьях цвета сливок. Все выстроились по росту. У самой маленькой в волосах бант. Это Мехран. Азита указывает на фотографию пальцем. Не поднимая глаз, говорит:

– Вы уже знаете, что мой младший ребенок – тоже девочка, да? Мы одеваем ее как мальчика.

Я бросаю взгляд на Мехран, которая слоняется поблизости все время нашего разговора. Она запрыгивает в другое кресло и снова разговаривает с пластиковой фигуркой.

– О моей семье сплетничают. Когда у тебя нет сыновей, это большое несчастье и всем тебя жаль.

Азита произносит эту фразу, словно простое объяснение.

Наличие хотя бы одного сына – обязательное требование для хорошей репутации в этой стране. **Семья без сына не просто неполна; в стране, где нет власти закона, это расценивают как слабость и уязвимость. Так что должностная обязанность любой замужней женщины – быстро зачать сына.** Это ее абсолютная цель в жизни, и если женщина ее не исполняет, то в представлении людей с ней явно что-то не в порядке. Ее могут отвергнуть как *докhtar зай*, или «ту, что приносит лишь дочерей». И это еще не столь тяжкое оскорбление, как то, которое бросают бездетной женщине, – *санда* или *кхошк*, что на дари означает «сухая» или «яловая». Но в патрилинейной культуре женщина, которая не может родить сына, в глазах общества и своих собственных считается имеющей некий фундаментальный изъян.

В большинстве районов Афганистана уровень грамотности составляет не более 10 %^[11], и в обиходе крутится масса ни на чем не основанных «истин», которые никто не оспаривает. Среди них и распространенное убеждение в том, что женщина может *выбирать* пол своего нерожденного ребенка, просто упорно думая о нем. Как следствие, неспособность женщины рожать сыновей не вызывает никакого сочувствия. Напротив, и общество, и собственный муж порицают ее как женщину, которая просто недостаточно сильно хотела сына. Женщины тоже часто обвиняют собственное тело и слабый ум за то, что те не дают им родить сына.

В глазах других образ такой женщины сопровождается множеством недостатков: уж она-то и капризная, и несносная. Пожалуй, даже грешница. Тот факт, что на самом деле как раз *отец* ответствен за пол отпрыска (поскольку именно мужской сперматозоид, дополняя хромосомный набор будущего ребенка, определяет, кто родится, мальчик или девочка), большинству неизвестен.

В ситуации Азиты отсутствие сына готово было стать помехой всему, чего она пыталась достичь как политик. Когда она с семьей переехала в 2005 г. в Кабул, насмешки и подозрения по поводу отсутствия у нее сына вскоре неизбежно распространились и на ее способности как законодателя и общественной фигуры. Посетители рассыпались в соболезнованиях, узнавая, что у нее четыре дочери. Она обнаружила, что ее зачислили в разряд неполноценных женщин. Коллеги-парламентарии, избиратели и собственные родственники ничуть не сочувствовали ей: как можно верить, что она достигнет хоть чего-то в политике, если она не способна даже подарить мужу сына? Не имея сына, которым можно было бы похвастать перед непрерывным потоком наносящих визиты политических воротил, ее муж тоже испытывал нарастающий стыд.

Азита и ее муж обратились к своей младшей дочери с предложением: «Хочешь выглядеть как мальчик, одеваться как мальчик и заниматься всякими интересными делами, как делают мальчики, например, кататься на велосипеде, играть в футбол и крикет? Хочешь быть похожей на своего отца?»

О, еще бы – конечно, она хотела! Это было роскошное предложение.

Единственное, что потребовалось для его реализации, – стрижка, пара брючек с базара и джинсовая рубашка с надписью «суперзвезда» на спине. За один-единственный день родители превратились из семейства с четырьмя дочерьми в семейство, которое Бог благословил тремя малышками и вихрастым сынишкой. Их младшее дитя теперь отзывалось не на девчачье имя *Мануш*, означающее «лунный свет», а на мужское – *Мехран*. В глазах окружающих – и особенно избирателей Азиты в Бадгисе – их семья наконец-то стала полной.

Конечно, некоторые знали правду. Но и они тоже поздравляли Азиту. **Иметь подложного сына было лучше, чем не иметь никакого вообще, и люди хвалили ее за изобретательность.** Когда Азита снова приехала в свою провинцию – более консервативную в сравнении с Кабулом, – она взяла с собой Мехрана. И обнаружила, что в компании шестилетнего сына ее встречают с большим одобрением.

Эта перемена удовлетворила и мужа Азиты. Злые языки теперь перестали трещать об этом несчастливом мужчине, обремененном четырьмя дочерьми: ведь ему, бедняге, придется искать для всех них мужей, а его собственная родовая линия прекратится вместе с ним.

В пушту – втором официальном языке Афганистана – есть даже уничижительный эпитет для мужчины, у которого нет сыновей: *мераат*. Ведь здесь все наследование, например земельных активов, идет почти исключительно по мужской линии... Но, поскольку младшая дочь в семье взяла на себя роль сына, она стала источником гордости для своего отца. Изменившийся статус Мехрана обеспечил и его сестрам значительно большую свободу, поскольку они могут выходить из дома, играть на детской площадке и даже отважиться заглянуть в соседний квартал, если их сопровождает Мехран.

Была и еще одна причина для такого превращения. Азита говорит об этом, сопровождая свои слова взрывом тихого смеха, чуть наклоняясь ко мне, чтобы признаться в своем маленьком акте бунтарства:

– Я хотела показать своей младшенькой, какова жизнь с другой стороны.

В этой жизни возможны запуски воздушного змея, беготня во все лопатки, истерический хохот, бешеные прыжки (просто потому, что тебе весело), лазанье по деревьям – чтобы ощутить сладкий трепет, когда повисаешь на ветке. Это еще и возможность разговаривать с другим мальчишкой, сидеть рядом с отцом и его друзьями, ездить на переднем сиденье машины и наблюдать за людьми на улицах. Смотреть им в глаза. Высказываться без страха, знать, что тебя выслушают, и редко слышать от других вопрос, почему это ты в одиночку шатаешься по улицам в удобной одежде, которая не стесняет никаких движений. Все это невыносимо для девочки-афганки.

Но что будет, когда наступит половая зрелость?

– Вы имеете в виду, когда он вырастет? – переспрашивает Азита, и ладони ее рисуют в воздухе женские формы. – Это не проблема. Мы снова превратим его в девушку.

Глава 2

Иностранка

Кэрол

Есть в Кабуле один маленький ресторанчик – любимое заведение тех почти несуществующих кабульских дам, которые имеют привычку ходить на ланч, где подают местные вариации на тему киш-лорен и изящные маленькие сэндвичи, в то время как война бушует где-то в провинциях, оставаясь невидимой здесь. Этот желтый домик с маленьким садиком приютился в проулке позади одной из правительственных служб и окружен достаточным числом блокпостов, чтобы стать приемлемым местом выхода в свет для иностранных дипломатов и профессионалов из гуманитарных организаций. Как и во многих других местах, электричество здесь пропадает примерно каждые полчаса, но гости быстро обзаводятся привычкой продолжать свои беседы в абсолютной тьме до тех пор, пока переключение между генераторами не вернет к жизни маленькие светильники, – и притом сохранять спокойствие, когда мелкие живые тваришки время от времени шмыгают мимо их ног под столом.

Я пришла сюда, чтобы встретиться с гранд-дамой кабульских экспатов – в надежде, что она сможет пролить свет на то, что кажется мне еще одной из многочисленных тайн Афганистана.

До сих пор я в основном встречала сопротивление.

После первого визита в семью Азиты я принялась шерстить газетные и сетевые архивы, полагая, что пропустила нечто фундаментальное в своей «домашней работе» по этой стране. Но мои поиски не выявили ни одной другой девочки, которую в Афганистане одевали бы как мальчика. Может быть, Азита – просто необыкновенно творческая женщина? А может быть – как я все еще подозревала, – и какие-нибудь другие афганские семьи превращают своих дочерей в сыновей, чтобы одновременно и прогнаться перед невероятно закоснелым обществом, и бросить ему вызов?

Я даже консультировалась со специалистами, коих существует множество – есть из кого выбирать.

Проблемы девушек и женщин стали одной из нескольких неотложных задач для сообщества международной гуманитарной помощи после падения Талибана, и многочисленные знатоки этой темы курсировали в Афганистан и обратно, приезжая ненадолго из Вашингтона и разных европейских столиц. Поскольку страны-благотворители нередко требовали проектов по развитию – от сельского хозяйства до политики, – чтобы предметно разобраться, как следует улучшать жизнь афганок^[12], Кабул стал местом, кишмя кишашим «гендерными экспертами». Этот термин охватывает множество гуманитарных работников – иностранцев по рождению: социологов, консультантов и исследователей с какой угодно специализацией, от конфликтологов до феминисток.

После наблюдения (скорее игнорирования) за жестоким обращением Талибана с женщинами на протяжении многих лет ныне иностранцы сошлись во мнении о необходимости скорейшим образом подтолкнуть афганок к западной версии равенства. «Гендерные семинары», казалось, проходили в каждом высококлассном отеле в Кабуле, где европейки и американки, разодетые в этническую бижутерию и расшитые туники, устраивали семинары и рисовали круги на школьных досках вокруг таких слов, как «расширение возможностей женщин» и «осознанность». На всей территории Афганистана полным ходом шли сотни не связанных друг с другом гуманитарных проектов, чьи эвфемистически заявленные цели состояли в том, чтобы просвещать афганцев в отношении «гендерного мейнстрима» и «гендерного диалога».

Однако высокопоставленные чиновники Организации Объединенных Наций и эксперты как правительственных, так и независимых гуманитарных организаций лишь апатично отма-

хивались, когда я к ним обращалась: нет, афганцы не одевают дочерей как сыновей, чтобы противостоять своему сегрегированному обществу. Да и зачем бы им вообще это делать? Если бы существовали еще такие девочки, как Мехран, говорили мне, эти эксперты, всей душой неравнодушные к положению афганок, наверняка знали бы об этом. Антропологи, психологи и историки тоже наверняка не остались бы в неведении, поскольку подобные вещи явно противоречили бы общепринятому пониманию культуры Афганистана, где люди одеваются строго согласно своему полу. Были бы написаны книги, были бы проведены научные исследования.

Следовательно, такая практика – если бы только это была действительно практика, а не просто диковинный случай, – никак *не должна* существовать. Гендерная сегрегация в Афганистане – одна из самых строгих в мире, что делает подобный поступок немыслимым, твердили мне. Даже опасным.

И все же настойчивые расспросы среди афганцев открывали иную, пусть и путаную, точку зрения. Мой спутник и переводчик (мужчина) как-то походя заметил, что он слышал о своей отдаленной родственнице, которая одевалась как мальчик, но никогда ее не понимал, да и не придавал этому особого значения. Другие афганцы порой пересказывали единичные слухи о таких девочках, но в один голос советовали мне не поднимать эту тему: совать нос в частные семейные дела и традиции всегда было не самым разумным поступком для иностранца.

Один афганский дипломат в конечном счете рассказал, что сам был свидетелем подобного случая, припомнив одного своего приятеля по дворовой футбольной команде еще во времена правления Талибана, в 1990-е годы. **Однажды этот приятель попросту исчез**, и несколько товарищей по команде отправились в поисках парнишки к нему домой. Его отец вышел на порог и сказал, что, увы, их друг больше не вернется. **Он снова стал девочкой**. Двенадцатилетние мальчишки, толпившиеся на улице возле дома, потеряли дар речи.

Это, однако, была *аномалия*, как уверял меня тот дипломат. Вину за любые подобные отчаянные и нецивилизованные шаги можно целиком и полностью списать на ужасы эпохи Талибана. Снятый в 2003 г. афганский кинофильм «Усама» тоже рассказывал историю юной девушки, которая во время правления Талибана маскировалась под мальчика. Но это, дескать, был чистый вымысел. И кроме того, теперь в Афганистане наступили новые, просвещенные времена, уверял меня дипломат.

Но так ли это на самом деле?

Мне как репортеру такой одинаково агрессивный отпор со стороны как экспертов-иностранцев, так и афганцев показался интригующим. Что, если он указывает на нечто большее, чем одно только семейство Азиты, – на явление, которое могло бы заставить задуматься: а что еще мы упустили в наших десятилетних попытках понять Афганистан и его культуру?

Я надеялась, что у Кэрол ле Дюк, возможно, найдется, что сказать на эту тему. Кэрол, со своими рыжими волосами и расшитыми бижутерией шелковыми шальварами, кажется, никогда не высказывала самоуверенных и часто повторяющихся тезисов об афганцах или о том, что нужно их стране в плане основ понимания западных ценностей. «Я ни в коем случае не назвала бы себя феминисткой, – сообщила она, к примеру, когда мы с ней только познакомились. – Нет-нет, пусть этим балуются другие».

Напротив, Кэрол принадлежит к тем людям, которые всячески сторонятся общества экстремистов, предпочитая общаться с афганскими семьями, с которыми она подружилась много лет назад, когда в период правления Талибана в страну допускалось гораздо меньше иностранцев, чем теперь. Многие считают, что она – обладательница самой острой коллективной памяти в Кабуле, и о ней идет молва как об одной из немногих женщин, ведших переговоры с Талибаном, когда это движение было у власти.

Кэрол прибыла в эту часть света в 1989 г., после развода. Она могла бы более чем комфортно жить в Англии до конца своих дней, но предпочла другое.

– Ненавижу путешествовать и просто проезжать по разным местам. Люблю узнавать людей поближе. Углубляться, – рассказывала она мне. – И вот до меня дошло, что в свои 49 лет я – совершенно свободная женщина.

На протяжении двух десятилетий, проведенных с тех пор в Афганистане и Пакистане, она работала в неправительственных организациях и была консультантом правительственных служб. Имея ученую степень антрополога, полученную в Оксфорде, она участвовала во многих исследованиях, предметом которых были афганские женщины, дети и политика.

Кэрол твердо придерживается убеждения, что чай, ароматизированный молотым кардамоном и поданный в чашках из костяного фарфора, делает любую катастрофу – а Кабул повидал немалую их долю – чуточку менее невыносимой. Она живет в скромной роскоши в каменном домике персикового цвета, окруженном ухоженным садом с двумя павлинами, «потому что они радуют глаз красотой». Зимой ее камин представляет собой редкое явление для Кабула: он *на самом деле* топится. А летом широкие ротанговые кресла под медленно крутящимся потолочным вентилятором делают местный август чуть более пригодным для жизни.

Каждый афганец, работающий в таксопарке, который обслуживает постоянно живущих здесь иностранцев, знает ее обнесенный оградой дом на грязноватой кабульской улочке просто как «Дом Кэрол», и местные говорят о ней с любовью и уважением, приберегаемыми для тех, кто, приехав сюда, стал частью местной истории, которая началась отнюдь не с последней войны.

Однако временами Кабула становится «чересчур много» даже для Кэрол, и она летит самолетом «на дачу» в Пешавар, неистовый пакистанский город, который некогда контролировали британцы и где проводил лето афганский монарх.

Сегодня Пешавар считается одним из самых опасных мест в мире. Он настолько кишит исламистами-экстремистами, что лишь немногие жители Запада поедут туда добровольно, а если и едут, то обычно под почти военной охраной. Но для Кэрол, привыкшей гулять по Кабулу пешком с абсолютным пренебрежением к тому, что иностранцы называют «секьюрити», и отказывающейся убирать кричаще-яркие волосы под головной платок, Пешавар – это всего лишь чуточку более сложное существование. Разумеется, аэропорт – это «ужасная суматоха», говоря ее собственными словами, где вместо гостиничного регистратора к ней всегда подходит «мистер Спецслужба», заподозрив в ней американку. И всякий раз Кэрол с огромным удовольствием заявляет, что она – *британка*. И ничего более.

– Кстати, не желаете ли особого белого чая – или нам попробовать особого красного? – спрашивает она меня в ресторане, выслушав рассказ о моих затруднениях. Кэрол кивает официанту, и он наливает нам нелегальное красное вино из щекастого синего чайника.

Кэрол не видит в том, что афганскую девочку воспитывают как мальчика, ничего невозможного:

– Если ты женщина в такой стране, как Афганистан, странно, если тебе *не хочется* перейти в другую категорию! – восклицает она. В сущности, эта идея ее развлекала: она тешит в Кэрол дух противоречия.

Хотя Кэрол ни разу не замечала подобной практики в отношении детей, она действительно припоминает одну поездку несколько лет назад, когда она с небольшой командой гуманитарных работников отправилась в провинцию Газни – оплот Талибана. Мужчины и женщины одной племенной деревни жили в условиях строгого разделения, и когда Кэрол была приглашена на чай в женские «покои», она с удивлением обнаружила живущего среди женщин мужчину.

Женщины называли его Дядюшкой, и человек этот, похоже, пользовался особым статусом в деревне. Женщины подавали ему чай и относились к нему с большим уважением. Внешность его была сурова, но лицо отличалось несколько большей мягкостью, чем у прочих муж-

чин. Потребовалось некоторое время, а заодно и пара доброжелательных намеков, чтобы Кэрол поняла, что Дядюшка на самом деле был пожилой женщиной в тюрбане и мужской одежде.

В этой деревушке Дядюшка функционировал как посредник между мужчинами и женщинами и обслуживался как почтенный мужчина, который мог передавать сообщения и сопровождать других женщин, когда у них возникала необходимость выйти из дома, не представляя для них никакой угрозы, поскольку сам он был женщиной.

Как и Мехран, дочь Азиты, Дядюшку воспитывали как мальчика, так сказали Кэрол. Очевидно, это была идея местного муллы: **Дядюшка родился седьмой дочерью в семье, где не было сыновей**. Мулла, духовный вождь деревни, проникся жалостью к родителям, поэтому он просто *назначил* малютку сыном спустя считанные часы после ее рождения. Он дал ребенку мужское имя, а затем незамедлительно отправил родителей представлять односельчанам члена семьи, который отныне был их сыном. Официальное объявление муллы о том, что родился сын, было с благодарностью воспринято родителями: это одновременно повышало их статус и избавляло от неизбежного презрения односельчан.

Но почему Дядюшка не вернула себе пол, доставшийся от рождения, с наступлением полового созревания? Как ей удалось избежать выдачи замуж? И показалось ли Кэрол, что она довольна этим положением дел? В ответ на мои вопросы Кэрол пожимает плечами: она этого не знает. У Дядюшки не было мужа и детей, но она явно наслаждалась более высоким положением, чем остальные женщины. Она была «промежуточной фигурой».

То, что никто не задокументировал никаких исторических или современных случаев появления других Дядюшек или маленьких девочек, одеваемых как мальчики, на взгляд Кэрол, вполне объяснимо. Даже если бы такие сведения существовали, надо учитывать, что лишь немногие документы пережили разнообразные кабульские войны и «турникетные» режимы. К тому же афганцы не очень-то любят, когда их расспрашивают о семьях: на правительственных чиновников и их институты смотрят в лучшем случае с подозрением.

То, что с наибольшим приближением можно назвать афганским национальным архивом, в сущности, осталось без внимания давней американской резидентки в Кабуле, с которой я тоже консультировалась. Я говорю об экспатке Нэнси Дюпре, остроумной женщине за восемьдесят, историке, известной многим под любовным прозвищем «бабушка Афганистана». Прославившись публикацией нескольких путеводителей^[13] по наиболее отдаленным местностям Афганистана в 1970-х, она собирала сведения об афганской культуре и истории вместе со своим покойным ныне мужем археологом Луи Дюпре.

При всем при том Нэнси никогда не видела девочек, переодетых в мальчиков, не слышала о них и не могла припомнить никаких документов по этой теме за все то время, что она прожила в Афганистане, – то есть со времен последнего монарха, изгнанного в 1973 г.^[14] Но ее «ни в малейшей степени не удивила» рассказанная мною история об одной маленькой девочке, которую воспитывают как мальчика. Реакция Нэнси на мой рассказ была сродни реакции Кэрол. «Сегрегация побуждает к творческому подходу», – сказала она.

Нэнси показала мне старую фотографию, оставленную на ее попечение бывшим афганским королевским двором. На пожелтевшем черно-белом снимке, сделанном в первые годы XX века, женщины, одетые в мужскую одежду, стоят на страже гарема Хабибуллы-хана^[15]. За гаремом не должны были надзирать мужчины, поскольку они представляли потенциальную угрозу для целомудрия женщин и чистоты ханской наследственности. Женщины, одетые в мужское платье, решали эту проблему, что указывает, что подобные решения исторически бытовали и в высших слоях афганского общества.

Однако то, что происходит в замкнутой жизни афганских семей, возможно, никогда не было широко открыто для исследований, проводимых иностранцами, полагает Кэрол. И уж наверняка во время этого последнего наплыва чудаков, желающих изменить Афганистан. Точь-в-точь как местная старуха, оплакивающая утрату души своей округи, Кэрол с горе-

чью рассказывает, каким стал Кабул в последние годы: цементно-серой крепостью, в которой обычные афганцы оказались изгнаны^[16] из собственного города из-за раздутой военной экономики и стремительно взлетающих цен на жилье, которое могут позволить себе лишь немногие помимо иностранцев, оплачиваемых международными организациями. Они создали город, в котором страхи и слухи, основные двигатели коммуникации экспатов, циркулируют по замкнутому кругу.

– Большинство иностранцев в Кабуле живут почти так же, как те самые поднадзорные афганеи, которых они пытаются освободить, – саркастически замечает Кэрол.

Афганистан имеет тысячелетнюю культуру обычаев и кодексов, передаваемых из поколения в поколение. История местных женщин отслеживалась лишь обрывочно. Вообще говоря, история многих стран представляет собой историю их войн, и лишь изредка в ней одиноко выделяется правление какой-нибудь монархини. Большую часть социологических исследований в Афганистане проводят иностранцы – почти исключительно мужчины, – которые редко получают доступ к женщинам, поэтому узнают они лишь то, что рассказывают им афганские мужья, братья и отцы.

В Афганистане нет никакой службы по защите детей, куда можно было бы позвонить, никакой надежной службы, которая вела бы статистику, никакого официально учрежденного исследовательского университета. Никто не может даже сказать с достаточной уверенностью, сколько людей *живет* в Афганистане: цифры, которыми оперируют крупные гуманитарные агентства, варьируют от 23 до 29 млн.^[17]

Первая и единственная перепись в Афганистане была проведена в 1979 г., а более поздние попытки действительно сосчитать афганцев были одновременно спорными и отягощенными всяческими трудностями. Три десятилетия непрерывной войны и перемещений огромных масс беженцев не позволяют говорить о какой бы то ни было точности. Задача еще более усложняется непростым этническим обликом Афганистана и непрекращающимися дебатами по поводу точного месторасположения границы с Пакистаном.

Те, кто старается придерживаться дипломатического подхода, часто говорят, что Афганистан состоит из пестрого собрания меньшинств, очевидного наследия многочисленных завоевателей, которые вторгались в страну с разных сторон на протяжении всей ее истории.

Самое крупное меньшинство, приблизительно оцениваемое в 40 % всего населения, – это суннитская исламская пуштунская группа, и многие ее представители считают себя этническими афганцами. Пуштуны преобладают на юге и востоке страны. Второе по величине меньшинство – таджики, присутствие которых сильнее всего в северном и центральном Афганистане. Хазар многие считали предками монголов, их безжалостно преследовали в эпоху Талибана как последователей шиитской ветви ислама. В некоторых областях, в основном на севере, живут также афганцы узбекского, туркменского и киргизского этнического происхождения. Есть в этой стране и кочевники-кучи.

Хотя между этническими группами формируются и распадаются союзы, люди в пределах каждой группы зачастую с подозрением относятся к представителям других национальностей. Это еще одна причина, почему местные жители не склонны сообщать сведения, например, о том, сколько детей рождается в определенной местности или в пределах одной группы, не говоря уже о такой подробности, как пол этих детей.

На взгляд Кэрол, возможно, Запад больше озабочен вопросом гендерных ролей детей, чем сами афганцы. Хотя афганское общество строго основано на разделении полов, пол в детстве в некотором роде значит *меньше*, чем на Западе.

– Здесь, – говорит Кэрол, – людьми движет нечто более исконное. Все, что предшествует пубертату², – лишь подготовка к *продолжению рода*. Здесь это главная цель жизни.

И вероятно, нам – жителям Запада, – чтобы начать понимать Афганистан, нужно отставить в сторону свои представления о порядке вещей. Там, где долгая родословная племенной организации гораздо могущественнее любой формы правления, где язык представляет собой поэзию, но лишь немногие умеют читать и писать, где для неграмотного человека обычное дело – знать наизусть^[18] произведения пуштунских и персидских поэтов и говорить на нескольких языках, истины и знания проявляются иными способами, нежели те, которые с легкостью могли бы распознавать чужестранцы. Говоря словами Кэрол, в стране поэтов и рассказчиков «важны общие фантазии».

По этой причине, если задаешься целью выяснить в Афганистане что бы то ни было, следует обращать внимание на неофициальные структуры. Например, заботы афганских женщин ближе всего знают, конечно, не иностранцы и не мужчины-афганцы, а другие афганские женщины – и еще врачи, учителя и повитухи, которые собственными глазами видят отчаянное желание рожать сыновей и все те шаги, на которые женщины готовы пойти, чтобы их родить. И ни один секрет не будет раскрыт мгновенно, предупреждает Кэрол:

– Нужно уметь прислушиваться к тому, чего никогда не говорят вслух.

Для пущего эффекта ресторанный электрогенератор в третий раз дает сбой, и мы снова оказываемся в темноте. Я делаю глубокий вдох. Во мраке аромат Кэрол – мандарин и черная смородина – становится более отчетливым, и я, наконец, спрашиваю ее, что это за облако духов, обволакивающее нас обеих. Мой вопрос ее радует.

– Ах да! В Пешаваре есть один человек... он торгует эссенциями и маслами. Он рассказывал мне, что поставляет свои товары какому-то французскому парфюмеру, который делает из этого сочетания одну довольно знаменитую штучку. Конечно, это просто бахвальство, но запах приятный, правда?

Я киваю – и не могу заставить себя сказать Кэрол, что ее поставщик говорит правду. Это аромат, который я знаю очень хорошо. Когда включается свет, я улыбаюсь. Я тоже совершенно свободная женщина, и у меня, как некогда у Кэрол, есть время, чтобы «копать глубже».

Но можно ли мне написать для начала хотя бы о семье Азиты? На протяжении последних месяцев у нас с ней состоялось несколько вариаций одного и того же разговора.

– Вы говорили мне, что у вас четыре дочери, – так я начала своей первый подобный телефонный разговор с ней. – Вы также рассказали мне о сыне в вашей семье...

Это был для Азиты шанс просто взять свои слова обратно и велеть мне никогда больше не возвращаться к этой теме. Я почти надеялась, что она им воспользуется. Лишь позднее мне стало ясно, что она уже все для себя решила.

– Я думаю, мы должны рассказать об этом, как есть.

– Но ведь это ваша тайна. Вы уверены?

– Думаю, да. Людям это может быть интересно. Такова реальность Афганистана.

И с этими словами я получила приглашение вернуться в ее дом. И в ее семью.

² Подростковый возраст.

Глава 3

Избранная

Азита

В пять утра она заставляет себя подняться с ложа, состоящего из длинных громоздких подушек на полу столовой, которая служит заодно и спальней.

Прежде чем сделать над собой усилие и разбудить детей, чтобы подготовить их к новому дню, она мысленно перебирает карусель образов, ставя себе целью припомнить пять хороших мгновений из вчерашнего дня, чтобы пробудить свой дух добрыми мыслями. К примеру, как ей удалось до конца произнести речь и ее не перебил ни один из коллег-парламентариев. Или, может быть, одна из дочерей показала ей свою новую картину, и та оказалась по-настоящему талантливой.

Только после этого Азита пересекает коридор, чтобы разбудить своих четырех дочек, спящих в двухъярусных кроватях под голубыми одеялами с изображениями Винни-Пуха. Обычно после этого следует маленькое сражение за очередь в ванную комнату между Мехран-гис и Мехран. Близнецы будут есть на завтрак йогурт и лепешки *нан*, оставшиеся со вчерашнего дня. Мехран, скорее всего, откажется от завтрака, но согласится на булочку-ролл, или сахарное печенье, или апельсин.

Три старшие девочки наденут черные платья длиной ниже колена и белые головные платки поверх блестящих черных «конских хвостов». Младшая натянет брючки, наденет белую рубашку и повяжет красный галстук. Все четверо возьмут по одному из одинаковых нейлоновых рюкзаков. Рюкзак Мехран слишком велик для нее, но она носит его с гордостью, так же как и старшие сестры. Отец отведет детей к школьному автобусу, держа за руку только Мехран.

У Азиты остается пятнадцать минут, чтобы собраться. Но она проворна. За это время она преображается. Ступив за порог дома, она будет отстаивать честь не только мужа и семьи, но и своей провинции, и своей страны. И большую роль в этом играет ее внешность. Она должна одеваться осмотрительно: скорее отвлекая внимание, чем привлекая его.

Репутация в Афганистане – не просто символическое понятие; это ценность, которую трудно восстановить, если она однажды пошатнулась. Так же как кредитную историю, ее следует постоянно холить и лелеять, а в идеале и улучшать, что вынуждает и мужчин, и женщин придерживаться сложной паутины строгих общественных правил.

При выборе всякой детали своего наряда Азита учитывает основы культуры чести Афганистана, где чистота женщины во все времена была связана с репутацией ее семьи. Талибан больше не правит в Кабуле^[19], но дресс-код для женщин по-прежнему весьма консервативен. Кэрл ле Дюк поясняет специально для меня эту неофициальную, зато очень реальную карательную систему:

– Женщина, которая привлекает к себе неподобающее внимание, неизбежно считается *шлюхой*.

Для женщины то, что ее сочтут шлюхой из-за неподобающей одежды или увидев разговаривающей с мужчиной, не являющимся ее мужем, может иметь огромные последствия: о ней будут сплетничать соседи, для ее родителей это станет страшным ударом, позор падет на головы ее родственников и потенциально может очернить их репутацию и лишит положения в обществе. Для женщины-политика эта игра еще больше усложняется, поскольку политика по своей природе требует присутствия на публике.

В представлении консерваторов, афганка, если ей не обойтись без работы, должна быть, самое большее, учительницей в классе, состоящем исключительно из девочек. Любая иная профессия, где женщина взаимодействует с мужчинами или находится у них на виду, более

проблематична, поскольку рискует запятнать репутацию ее семьи. Женщины, которые работают с иностранцами, имеющими иные обычаи, оказываются под еще большим подозрением. Сидя в национальной ассамблее, под жгучим взором общественного ока, Азита провоцирует реакции на самых разных уровнях.

Ее рабочая униформа, состоящая из черной, в иранском стиле, *абайи* «в пол» и тонкого черного головного платка, призвана излучать властность и достоинство. Она старается одеваться со вкусом и притом глубоко консервативно: ни один контур ее тела не должен обрисовываться при движении. У этого черного одеяния есть тонкая золотая кайма; о демонстрации любых иных красок не могло бы быть и речи.

В другой вселенной, в иной жизни избранным цветом Азиты был бы ярко-красный – но в Афганистане этот цвет невозможен. Цвет огня считается откровенно сексуальным, призванным цеплять взгляды мужчин. Он – для той, которая намерена бросаться в глаза, вызывать восхищение. Платье ярких расцветок было буквально запрещено Талибаном, но и теперь оно было бы немыслимым, потенциально даже опасным в условиях консервативной культуры Афганистана. Ни одна уважаемая жительница Кабула не носит красного за пределами собственного дома, и у Азиты нет никакой красной одежды.

Ей требуются считанные секунды, чтобы навести черной сурьмой жирные линии вокруг глаз и нанести на лицо бежевую пудру. Обычно в парламенте работают фотографы, и теперь она уже знает, что матовая кожа на фотографиях смотрится лучше. Выходя из дома, она надевает темные солнечные очки в золотой оправе. Подруга купила их для Азиты в Дубае.

Азита позволяет себе еще пару особых эффектов: два арабских кольца из розового золота и поддельную дизайнерскую сумочку. Золото – не столько украшение, сколько демонстрация «портативных наличных», символизирующая статус женщины как хорошей жены и матери. Мужчина, у которого есть добрая, уважаемая и плодовитая жена, почитает ее золотом, которое увидят все. Азита сама заплатила за свои кольца, но это никого не касается.

После того как она устраивается на заднем сиденье, ее машину вскоре засасывает водоворот густого кабульского утреннего пюре из колес и бамперов со вмятинами. Обычная 15-минутная поездка до национальной ассамблеи в Картэ-Сех (Третьем квартале) занимает по утрам как минимум час. Белые «тойоты королевы» терпеливо пробираются по рытвинам, то ныряя в них, то выныривая, отыскивая путь в лабиринтах дорожных препятствий и участков, где и вовсе нет никакой мостовой.

До весны, или начала «сезона боев», как ее здесь называют, – когда Талибан и «инсургенты» развяжут более агрессивную борьбу, – еще несколько месяцев. Холодная, замороженная земля еще не покрылась пылью, и красные гранаты из Кандагара по-прежнему с треском лопаются на придорожных лотках.

Шофер Азиты старается не слишком приближаться к афганскому полицейскому транспорту, зеленым пикапам «форд-рейнджер», битком набитым одетыми в синюю форму полицейскими, автоматы которых торчат из окон во все стороны. Афганские полицейские входят в число самых популярных мишеней^[20], подрывников-самоубийц и самодельных взрывных устройств. Полицейских, патрулирующих Кабул, убивают почти вдвое чаще, чем военных – к тем труднее подобраться близко. В глазах инсурентов и те и другие – предатели, работающие на правительство, поддерживаемое иностранцами.

Раннее утро – когда убежденность в мученичестве и перспектива ожидающих в раю девственниц^[21] все еще свежи – любимое время для нападений террористов-смертников, поскольку плотное дорожное движение обещает им в награду высокую результативность, в смысле числа смертей.

Азита согласна с популярным в Афганистане аргументом: уж коли пришло твое время – значит, оно пришло. Когда это будет – решать Аллаху. Она не может каждое утро по дороге

на работу размышлять о том, настал ли этот момент. Азите и ее шоферу и раньше случалось оказываться на расстоянии считанных секунд от взрыва.

Она ежедневно идет на риск, просто делая шаг за порог своего дома. Азита получает в среднем по два анонимных письма в неделю с требованием покинуть парламент (или каким-либо другим требованием) – а иначе быть готовой заплатить жизнью. Они приходят и в офис, и на домашний адрес. Стремясь избежать этих угроз и неудобств, она регулярно покупает SIM-карты для своего мобильного телефона, чтобы поменять номер, но ей продолжают звонить. Ее преступления очевидны: она – женщина, которая смеет служить в парламенте, а также видный символ неоднозначного, поддерживаемого Западом правительства.

Эти угрозы стали обычным делом. Иногда она спорит с тем, кто ей звонит, читая ему лекцию о том, что Коран не поощряет убийств. И всегда ее собеседником бывает некий *он*. «Мы знаем, что тебе наплевать на собственную жизнь, но подумай о своих детях», – сказал *он* ей однажды. Однажды угроза сопровождалась звуком выстрела из огнестрельного оружия. В тот единственный раз, когда Азита попыталась сообщить об угрозах в полицию, ей посоветовали «не беспокоиться». В конце концов, прибавил полицейский, они мало что могут сделать.

Были и непосредственные покушения на ее жизнь: годом раньше двое мужчин на мотоцикле пытались забросить ручную гранату в сад ее дома в Бадгисе. Граната взорвалась, ударившись о внешнюю каменную стену. Когда Азита выбежала из кухни, она обнаружила дочерей, прятавшихся в углу маленького сада.

Политики побогаче ездят на бронированных машинах в окружении вооруженной охраны, снабженной рациями. У тех, кто вовлечен в нелегальную, однако процветающую торговлю маком (Афганистан – крупнейший в мире производитель опиума^[221]), обычно есть и машина сопровождения, чтобы увеличить шансы на спасение в случае попытки похищения. Азита не может позволить себе ничего большего, чем «тойота королла» с водителем, который приклеил на приборную доску маленькую стеклянную бутылочку – святую воду из Мекки. Она помогает ему сосредоточиться; даже те, кто внезапно разворачивается на дороге на 180 градусов или мчится по встречной, не устаиваются сигнала его клаксона.

Какое-то время, в самом начале своей карьеры, Азита нанимала телохранителя, поскольку несколько коллег указали ей, что всегда приезжать без сопровождающего-мужчины было бы неприлично. Но телохранитель имел привычку задремывать, стоило ему только куда-нибудь присесть, и Азита его уволила. **Как и всем прочим членам парламента, Азите выдали пистолет для самозащиты.** Не имея никакого намерения им пользоваться, она спрятала его где-то в своей квартире. И частенько напоминает себе, что должна найти его раньше, чем это сделают дети.

В машине она достает телефон и пытается открыть на маленьком дисплее веб-сайт Си-эн-эн, но с афганскими нестабильными сетями далеко не уедешь.

Тогда она смотрит в окно, на торговцев, которые неторопливо толкают свои тележки к рыночной площади, на мотоциклы, на которых чудом удерживаются как минимум двое, а то и трое-четверо седоков, защищая лица от кабульского белесого от пыли воздуха платками, обернутыми вокруг головы, на идущих парами афганок, обутых в сандалии с носками, держащихся за руки и перепрыгивающих через открытые сточные колодцы.

На здешних улицах не так уж часто увидишь настоящий белый цвет, да и новых вещей не так уж много, если не считать только что сошедших с конвейера «лендроверов», которые доставляют сюда для иностранцев и богатых афганцев. Рано или поздно (и чаще рано) большинство поверхностей обретают оттенок глины или хаки. Хаки и цемент – основные краски Кабула, в их монотонности выделяются только дома торговцев маком, выкрашенные в разбавленный сливочным красный, теплый розовый или даже зеленый с проблесками украшенных кисточками пастельных штор – обманчиво жизнерадостная кабульская «наркотектура».

Зелень здесь – редкость: большинство деревьев погибло от загрязнения среды или было порублено на дрова обездоленными бедняками. Порой в кабульскую серость еще просачивается матовый красный – в красках старой фрески или в очередном материальном напоминании о тех, кто пытался контролировать столицу до Талибана и до американцев.

Для Азиты «русская эпоха», как она ее называет, не была той затяжной и жестокой борьбой, какую рисуют англоязычные мемуары о временах, именуемых в среде афганцев «советской войной» 1980-х. Для нее это были декорации вполне очаровательного детства.

Ее отец был членом крупного, но небогатого семейного клана и стал первым, как говорят, жителем провинции Бадгис, который учился в Кабуле и получил диплом магистра. С этим отличием он вернулся в свою родную провинцию, чтобы жениться. Он впервые увидел мать Азиты, Сиддику, когда той было всего 12 лет, и, согласно семейной легенде, влюбился в нее с первого взгляда.

Они семь лет ждали, чтобы пожениться, и в 1977 г. родился их первый ребенок, любимая и долгожданная дочка. Родители назвали ее персидским именем, производным от слова *азар* – «огонь». Вскоре после празднования первого дня рождения Азиты семья вернулась в Кабул, чтобы строить свою жизнь, и оказалась там как раз ко времени «Саурской революции», когда коммунистическая народно-демократическая партия^[23] взяла в свои руки власть в Афганистане.

При идеологической и финансовой поддержке Москвы^[24] новые лидеры объявили о начале решительных реформ, поставив задачу заменить религиозное законодательство более светской системой^[25], пропагандируя государственный атеизм и насильно пытаясь построить более современное общество. Каждый сектор бизнеса и каждый официальный институт предстояло капитально реконструировать, от сельского хозяйства и юридической системы до здравоохранения и семейного права – самое сомнительное начинание.

Русские были не первыми, кто пытался добиться гендерного равенства в Афганистане, – не останутся они и последними. Еще Аманулла-хан в 1920-х годах стремился утвердить права женщин^[26], выступая заодно со своей женой, королевой Сорайей^[27], которая знаменита своим дерзким поступком – она сбросила вуаль на публике. Царственная чета начала развивать образование для девочек, запретила продажу девушек для брака³ и наложила ограничения на многоженство. Откат оказался жестким. Многим афганцам, и в особенности за пределами столицы, эти реформы казались возмутительными: **племенные мужчины лишились бы будущих доходов, если бы дочерей нельзя было продавать или выменивать как невест.** В 1929 г. под угрозой военного переворота король был вынужден отречься от престола.

Три десятилетия спустя король Мухаммед Захир-шах предпринял еще одну, более осторожную, попытку поспособствовать образованию и эмансипации женщин, внеся предложение даровать им равные права в конституции 1964 г.^[28], а также право голосовать. Привилегированных афганок посылали за границу учиться в университетах, откуда они возвращались, чтобы становиться профессионалами и учеными.

Арлин Ледерман, американка, специалист по развитию, которая преподавала в Кабульском университете в начале 1970-х, вспоминает «волнующее время», когда женщины афганской элиты отличались даже большей утонченностью, чем большинство их либеральных сестер-американок. Женщины кабульской королевской семьи, которые носили плащи, солнечные очки, косынки и перчатки от Эрме, «могли бы сойти за подруг Джеки Кеннеди в осенний день в Бостоне», замечала она.

³ Видимо, речь идет о традиционном выплата калыма за невесту. – Прим. ред.

Этот прогресс в среде небольшой группы женщин, принадлежавших к элите, был явлением значимым, но он коснулся только Кабула и горстки других крупных городов. В остальной части страны удел женщин мало изменился.

Зато когда в 1980-х по стране масштабной волной прокатились реформы коммунистической эпохи, они не ограничивались маленьким кружком кабульской элиты. В ту новую эпоху женщины и девочки переставали жить в затворничестве: они получали обязательное образование^[29], свободно выбирали, за кого им выходить замуж и быть ли активными участниками нового общества. После того как многочисленная группировка советских войск прибыла в страну, чтобы поддержать шаткий кабульский коммунистический режим, тысячи русских, приглашенных правительством на работу, тоже стали приезжать в Кабул, чтобы помогать в реализации идеализированного плана Москвы по созданию нового Афганистана.

Агрономы, инженеры, сотрудники гуманитарных организаций, учителя и архитекторы начали осуществлять широкомасштабные гуманитарные проекты под руководством советских специалистов. Эти программы были нацелены на преобразование всей страны – и преобразование быстрое. Советское руководство, гордившееся тем, что построило идеальное, превосходящее другие общество у себя дома, поначалу не придавало особого значения историческим параллелям или неудачам других своих предшественников.

Одной из четко определенных целей было дать образование и рабочие места множеству женщин. Эта идея была здравой: только обрета реальную силу в экономике, женщины имели бы возможность получить реальные права и ликвидировать неравенство. Увы, исполнение ее со временем показало себя столь же тщетным, как и предыдущие попытки, – понимание глубоко укоренившейся патриархальной экономики в сельских областях пришло постепенно и с опозданием.

Однако в Кабуле состоялись назначения нескольких афганок чиновницами и парламентариями. Другие женщины начали работать врачами и журналистами, шли служить в полицию и армии, стали юристами. Формировались союзы и ассоциации, и время от времени женщины становились во главе этих организаций. В столице была запрещена сегрегация в ресторанах и общественном транспорте.

В этом прогрессивном окружении семья Азиты заняла положение в верхнем слое среднего класса. Отец ее преподавал географию и историю в университете и со временем вложил заработанные деньги в небольшой магазинчик, торгующий писчебумажными принадлежностями, сухофруктами, орехами и другими хозяйственными товарами. Поняв, что у дочери есть талант к языкам, он купил ей маленький телевизор, чтобы она смогла смотреть государственные новости, транслировавшиеся на русском языке, и со временем она начала частями переводить их родителям. Когда о способностях Азиты узнали учителя, они стали отличать девочку как особенно талантливую ученицу.

И тогда она была избрана для особой цели.

Как и при любой долгосрочной игре, включающей вторжение в другую страну и построение государства, Советы хотели подготовить следующее поколение афганских лидеров и обеспечить их лояльность Москве. Маленькая Азита, обладавшая живым умом и готовностью учиться, была переведена в более продвинутую школу, где учителями были иностранцы, а русский был официальным языком. Ей и другим прошедшим штучный отбор учащимся предстояло восхождение через самые элитные институты новой системы – своего рода питомник будущего властного кластера Афганистана. Их образование должно было увенчаться годом-двумя обучения в лучших университетах Москвы или Ленинграда.

Азита вспоминает, что в то время Кабул был «как Европа», когда она ездила на занятия в трамвае, которым управляла женщина-вагоновожатая. Форма в женской школе состояла из коричневого платья, белого фартука и коричневых туфель с белыми гольфами. На голове ученицы в то время носили только коричневые бархатные банты.

На радость своим русским учителям Азита-подросток была девочкой спортивной – и стала капитаном женской волейбольной команды. Она планировала повторить научные достижения отца, продвинуть их дальше и заставить его еще больше гордиться своей первой дочерью. Не имело значения, что она родилась не мальчиком, – свежереформированная страна, продвигавшая женщин, была на ее стороне. Она собиралась добиться научной степени. Если же в этом ее ждет неудача – что казалось маловероятным, – она видела себя в роли телеведущей, вдохновляясь современными, открывшими лица женщинами, которых видела на экране своего телевизора. Азита была живым воплощением советского плана создания нового Афганистана.

Однако в провинции, где политические манифесты, утверждающие обязательное равенство между полами, прямо противоречили многим пуштунским обычаям, касавшимся наследования и собственности, по-прежнему правили традиции. Торопливые попытки реформирования общества и культуры^[30] встречали с сильнейшим сопротивлением и яростью в адрес правительства из-за того, что оно вновь выпускает декреты, запрещающие детские браки и торговлю женщинами и девочками, и утверждает, что ни одна женщина не должна быть продана для брака или выдана замуж против ее воли.

Племенные мужчины снова увидели, что рискуют лишиться как наличных, так и влияния. **Если женщины должны получать образование и работать вне дома, они будут «бесчестить» свои семьи** тем, что их будут видеть на публике, а потенциально у них могут развиться и другие, даже более подрывные идеи. И кто будет заботиться о детях, если женщины возьмут на себя мужские задачи? Общество, несомненно, рассыплется в прах. Что хуже всего, какой-нибудь очередной декрет позволит женщинам с большей легкостью инициировать развод. Иностранное влияние явно несет упадок, подрывая афганские традиции. Многие религиозные муллы объявляли эти реформы антиисламскими.

Тем временем вооруженное сопротивление советской оккупации нарастало. Моджахедская оппозиция, боровшаяся против советской оккупации, нашла сочувствующего союзника в лице пуштунов, живших по соседству, в Пакистане, которые были только рады расширить свое влияние в Афганистане. Учрежденные Советами реформы оказались действенным предлогом для рекрутирования сторонников: женское образование и всеобщие женские права были презренными, пагубными, ядовитыми идеями, которые грозили разрушить самый фундамент афганской культуры и образа жизни.

Власть всегда была в руках тех, кто способен контролировать истоки жизни, контролируя женские тела. Древнее афганское выражение «*зан, зар ваа, замин*» подводит итог извечной угрозе личной собственности мужчин, которая всегда была главным поводом браться за оружие: *женщины, золото и земля*. Именно в таком порядке.

Сопротивление Советам поддерживалось щедрым финансированием и материально-технической помощью из-за рубежа: президент США Джимми Картер объявил, что советское вторжение в Афганистан являет собой «величайшую угрозу миру со времен Второй мировой войны»^[31]. Борьба против коммунизма воспринималась как битва между добром и злом, и исламские фундаменталисты оказались превосходными партнерами в этой миссии, ибо у них тоже были четкие представления о добре и зле, пусть и с несколько иной точки зрения.

Таким образом, достижения женщин в Афганистане снова внесли непосредственный вклад в войну, поскольку судьба их была вброшена в пороховую бочку напряжения между реформаторами и традиционалистами, между иностранцами и афганцами, между крупными городскими центрами и сельской глубиной.

Однако внешний мир, казалось, не обращал внимания на центральное противоречие афганок. Похоже, иностранные державы пришли к общему мнению, что есть гораздо более крупные проблемы, связанные с Афганистаном, чем такой побочный вопрос, которым придется заняться как-нибудь в другой раз, когда мужчины перестанут сражаться. Угроза комму-

низма – и необходимость сдерживать ее – гарантировала, что американские доллары и вооружения продолжают стекаться к оппозиции Советам, как умеренной, так и экстремистской.

Семья Азиты на некоторое время задержалась в Кабуле, переживая времена насилия и борьбы за власть, последовавшие за выводом советских войск, когда группировки моджахедов боролись за контроль над столицей. Когда из-за вспышек насилия были закрыты школы и многие районы города, для вылазок Азиты, теперь уже семнадцатилетней, в город с отцом был установлен новый порядок. Азита всегда носила в кармане записку с указанием телефонных номеров родственников и несколько банкнот в одной из туфель – на случай, если их разлучит очередная вооруженная стычка.

Весной 1992 г. в Кабуле разразилась настоящая полномасштабная гражданская война^[32]. **Азита постепенно приучила себя не паниковать, когда вслед за первым взрывом запускалась целая серия или когда она, как и большинство других детей в Кабуле^[33] в то время, видела на улицах оторванные части тел и трупы.** Ее воспоминания, относящиеся к тому времени, в основном вращаются вокруг ударных волн взрывов, содрогающихся зданий и следовавших за всем этим пожаров:

– Это начиналось со всех сторон. Стрельба, бомбардировки, взрывы, убийства. Повсюду хоть что-то, да происходило. Однажды в нашем районе за день случилось то ли пятнадцать, то ли шестнадцать ракетных взрывов. Дом трясся непрерывно.

Отец Азиты, Муртаза, решил, что они должны уехать из Кабула. Его семейство разросло: после Азиты родилось еще три дочери и один сын, и он никак не мог найти способ переправить их в Пакистан. Тогда они предприняли трудное путешествие обратно в свою отдаленную провинцию, Бадгис. Квартира в Кабуле была заколочена, магазин брошен. Ему предстояло быть разграбленным, но родители Азиты ничего не могли поделать, чтобы предотвратить это: все их знакомые тоже спасались бегством. Упаковав все, что поместилось в маленькую машину, семейство выехало прочь из города, превратившись в беженцев в собственной стране. Когда их машина стала мишенью для снайперов, они бросили ее у дороги и 18 дней продолжали путь в автобусах и пешком, ночуя в мечетях и стараясь не встречаться с подонками и мародерами. Это были дни, которых Азита не помнит: ее психика похоронила их где-то очень глубоко.

Достигнув места, где снова обнаружилось некое подобие цивилизации – города Герат в западном Афганистане, – они поверили, что выживут, поскольку до окрестностей Бадгиса война еще не докатилась. Юности Азиты предстояло завершиться здесь, и она еще много лет не возвращалась в Кабул.

Она вспоминает, как злилась, что из-за войны не смогла взять с собой ни одной книги из той маленькой библиотечки, которую отец держал в доме.

– У вас была любимая книга? – спрашиваю я ее, сидя в машине, когда она описывает свои последние дни в Кабуле.

– Конечно! «История любви».

– О, я тоже ее читала! – я обнаружила ее в бабушкином доме, в собрании книг, принадлежавшем моей матери. – Помните цитату в конце? **«Любовь – это когда тебе не нужно говорить “прости”».**

– Да, да! – Азита улыбается, и ее глаза чуть-чуть затуманиваются. – Мне трудно было это понять, но я так плакала в конце, когда она умерла! Сколько слез я пролила... Потом, когда выросла, я поняла точное значение этих слов. Я и фильм несколько раз смотрела.

– А вы были когда-нибудь влюблены?

Она смотрит на меня и пару мгновений молчит, прежде чем заговорить:

– Я люблю своего мужа, Дженни.

Глава 4

Создательница сыновей

Доктор Фарейба

Тем, кто добирается сюда, повезло.

Чаще всего обещание новой жизни приезжает на машине. Плохая гидравлика и ухаби-стая дорога заставляют глубоко беременных пациенток под светло-голубыми бурками трястись на задних сиденьях выдавших виды «тойот королла». Знак на воротах изображает перечеркну-тый автомат: вход с оружием воспрещен. На это правило всем наплевать, как и почти повсюду в Афганистане. Охранники, которые наблюдают, как машина скатывается вниз по склону холма, кивают, чтобы распахнулись стальные створки. За ними обнаруживается двухэтажное здание, где горстка врачей работает посменно в медицинской клинике, единственной на всю контролируемую в основном Талибаном территорию, где проживает 32 тысячи человек. Неко-торые пациенты – кочевники; большинство – из бедных сельских семей.

В здешнем родильном отделении, согласно отчетам клиники, в среднем рождается 166 новых афганцев в месяц. Клиника расположена посередине плоского и тихого плато в про-винции Вардак, примерно в часе езды от Кабула. Правда, тихим оно бывает в хороший день: в нескольких милях к северу от больницы находится американская военная база – главная мишень для ракетных атак инсургентов, поскольку всякое сопротивление иностранным вой-скам дублируется. Боевики-инсургенты целятся в иностранного врага с нескольких разных точек, и больница оказывается между ними и их мишенью. Выпущенные в воздух ракеты взле-тают по дуге в небо над маленькой клиникой и часто приземляются прямо за ее территорией. **Временами случается недолет, и снаряды бьют прямо в больницу.**

Термальные камеры беспилотников жужжат в небе над головой, пытаясь обнаружить ракеты, пока они еще на земле, нередко водруженные на наскоро наваленные кучи камней и палок, подключенные к аккумуляторам и таймерам. Если оператор замечает что-то, пред-ставляющее интерес, на упреждающую атаку может быть отряжен ударный вертолет, воору-женный автоматическим оружием, ракетами и снарядами.

Независимо от того, кто и кого старается убить, усилия врачей внутри клиники в основ-ном лихорадочно вращаются вокруг жизни. Никто не станет спрашивать пациентов, к какой семье или клану те принадлежат или с кем сражались за воротами больницы. Здесь заботятся о каждом изможденном, с запавшими глазами ребенке, внутрь приглашают каждую беремен-ную женщину. Мужчины будут ждать снаружи, рядами рассевшись на скамьях вдоль желтой каменной стены на фоне заснеженных гор, в то время как в больнице решается судьба их семей. Большинство одето в типичную деревенскую одежду, состоящую из белых хлопчатобумажных брюк, кафтанов и закрученных тюрбанов, с открытыми сандалиями или пластиковыми тапоч-ками-сланцами, даже в самую ледяную зиму.

Внутри же смуглые, раскрашенные хной руки стягивают с тел и лиц бурки, хиджабы и платки. Эти руки часто выглядят старше, чем лица под одеждой – лица с нежными щеками и глазами, еще не обведенными морщинами. Некоторые будущие матери сами лишь достигли подросткового возраста. Каждые несколько часов старания какой-нибудь женщины родить сына завершаются здесь, внутри отделанной белым кафелем палаты, где три гинекологических кресла покрыты черными пластиковыми мешками. **Младенец мужского пола – это победа, успех. Младенец женского пола – унижение, неудача.** Мальчик – *бача*, так называют ребенка-сына. Девочка – «другая», *дохтар*. Дочь.

Женщину, которая возвращается домой с сыном, могут чествовать церемонией *наирах*, во время которой играет музыка и возносятся молитвы. Гостей будут обильно кормить и поить. Новоиспеченной матери преподнесут подарки: дюжину кур или несколько фунтов сливочного

масла, чтобы помочь ей кормить грудью своего маленького сына – пусть тот растет здоровым и сильным. Она получает более высокий статус среди женщин. Та, что способна рожать сыновей, – успешная, достойная зависти женщина; она – воплощение удачи и образа хорошей жены.

Если же рождается дочь, молодая мать нередко покидает родильное отделение в слезах. Она вернется в свою деревню с опущенной от стыда головой, и, возможно, ее станут высмеивать родственники и соседи. Ей могут несколько дней отказывать в пище. **Муж может избить жену и выгнать из дому, и ей придется спать вместе со скотиной – в качестве наказания за то, что принесла в семью еще одно бремя – дочь.** А если у матери новорожденной уже есть несколько дочерей, над ее мужем станут потешаться как над слабаком, с которым отказывается сотрудничать природа, называя его *мада пошт*. Перевод: «тот, чья женщина родит только девочек».

Один ребенок рождается с обещанием будущей собственности, и целый мир ждет его за порогом. Другая рождается с единственным активом, который надлежит строго блюсти и контролировать: со способностью когда-нибудь родить собственных сыновей. Она, как и ее мать до нее, явилась на свет в стране, которую ООН называет худшим местом в мире из всех, где можно родиться^[34]. И самым опасным местом для тех, кто родился женщиной^[35].

– Мы – пуштуны. *Нам необходим сын.*

Доктор Фарейба подчеркнуто произносит каждое слово на корявом, неправильном английском. Даже иностранцу нетрудно понять этот фундаментальный факт, касающийся ее страны. Как и у многих здешних женщин, ее обветренное лицо не выдает истинного возраста, да и она сама точного числа своих лет не называет. Зато с удовольствием говорит обо всем прочем, выражая свои мысли краткими, напористыми тирадами, причем один уголок ее губ постоянно ползет вверх в усмешке. Она провела меня через черный ход в пахнущую дезинфекцией, бедноватую больницу, чтобы просветить насчет потребности в сыновьях, предварительно заручившись моим обещанием, что я не стану пытаться разговаривать ни с одним из мужей, ждущих снаружи, поскольку это может оповестить их о присутствии иностранки и навлечь на больницу опасность.

У пациенток доктора Фарейбы много общего с большинством афганок, чья жизнь чрезвычайно далека от жизни Азиты и других жительниц Кабула. Это те самые невидимые женщины, лишь временно оказавшиеся не на глазах у мужей. Для некоторых из них это единственный момент, когда им позволено вступать в контакт с людьми за пределами собственной семьи. Большинство из них неграмотны и очень стесняются даже других женщин. Некоторые держатся за руки и мешкают, прежде чем впервые подойти к смотровому столу, где их выпирающие животы осторожно ощупывают ладони врача.

Доктор Фарейба известна своей репутацией. Ее приветствуют с уважением, когда она проносится по коридорам в своей рабочей униформе: кожаном жакете цвета бургунди и бархатной юбке «в пол». Она заглядывает в каждую палату, где женщины кормят своих новорожденных под толстыми одеялами из полиэстерового флиса или выстраиваются вдоль стен, ожидая приема у гинеколога. Одни из них улыбаются; другие прячут лица. Дети, которые приехали вместе с матерями, не улыбаются. Большая часть надетой на них, доставшейся на благотворительных раздачах, ярко окрашенной одежды либо слишком велика им, либо маловата. Ни на ком из детей нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего теплую верхнюю одежду, и их почерневшие от пыли и грязи ножонки тоже обуты в открытые сандалии.

Только одна маленькая девочка щеголяет в красных резиновых сапожках. Ей на вид лет шесть, головку венчает грязноватая копна каштановых волос. Ее светло-серые глаза спокойно следят за движениями младших сестер, оставленных на ее попечение, пока мать будет на приеме у одного из врачей.

Доктор Фарейба задает по паре вопросов каждой пациентке, улыбается, затем разворачивается, чтобы кратко подытожить информацию для меня. В каждом резюме – история целой жизни:

– Муж бросил ее после того, как умерли трое из новорожденных. Теперь он женился на ее племяннице, взяв ту как вторую жену. Ей 25 лет, и она снова беременна.

– **Семнадцать. Первый ребенок. Замужем за своим пожилым дядей.**

– Двадцать один. Трое детей. Ее муж – могущественный человек, у него много жен.

Средства контроля рождаемости доступны в больнице бесплатно. Врачи советуют пациенткам выжидать по меньшей мере три месяца между беременностями, чтобы иметь больше шансов доносить ребенка до положенного срока. Использование пациентками любых форм контрацепции меньше связано с идеологией или консерватизмом мужей, чем с практическими обстоятельствами здешней жизни. Сильные снегопады, обильные дожди, весенние оползни могут перекрыть дорогу из маленькой деревушки, когда подходит срок пополнить запас таблеток или записаться на очередную инъекцию. А может просто не оказаться свободной машины или бензина для нее или водителя, который сможет отвезти в больницу. Все это тоже вносит свой вклад в статистику, согласно которой ежегодно **18 тысяч афганок умирают от осложнений после родов^[36]; примерно 50 женщин в день, или по одной каждые полчаса.**

В другой палате обнаруживаются три женщины из одной деревни на разных стадиях осложненной беременности, но стоимость поездки в автомобиле не оправдала бы себя, если везти только одну или даже двух из них. Так что первым двум пришлось ждать, пока у третьей начнутся схватки. Только тогда их, всех трех, привезли вместе – настолько быстро, насколько позволяла машина. Несмотря на усилия по сдерживанию материнской смертности, Афганистан по-прежнему числится среди тех стран мира, где рожать хуже всего, в одном ряду с беднейшими и самыми измученными войной африканскими государствами^[37]. Но шансы на выживание в этой клинике, посреди поля военных действий, все же выше, чем при домашних родах.

– Ей сорок, – говорит доктор Фарейба о пациентке в послеродовом отделении. У этой женщины не хватает нескольких передних зубов, на каждом запястье по несколько браслетов. – Выкидыш. Но у нее есть десять выживших детей – только девочки, поэтому она снова и снова пытается родить сына.

Когда молодой жене удастся за первые же несколько беременностей родить двоих или троих сыновей, от нее после этого не потребуют много рожать. Если за ними последуют несколько девочек, это тоже хорошо. Но после вереницы одних только дочерей, по словам врача, большинство женщин не станут прекращать попытки родить сына. Это объяснение всего вопроса населения, данное в одном предложении: общий результат четверо-пятеро детей совершенно приемлем для большинства афганских родителей – но только в том случае, если большую часть этого числа составляют мальчики. **Средняя продолжительность жизни женщины здесь равна 44 годам^[38], и большую ее часть женщина ходит беременной.** Супруги обычно знают, как можно – при желании – ограничивать беременности, но настоятельная потребность родить еще одного сына часто перевешивает любые опасения за жизнь женщины.

Доктор Фарейба тычет пальцем в одеяло молодой матери, которая лежит на койке лицом к стене. Та не проронила ни слова с момента родов. Врач подхватывает маленький сверток, лежащий рядом с женщиной, и поворачивается к медсестре, следующей за ней по пятам. Они обмениваются кивками: да, это девочка.

Ей всего несколько часов от роду, и пока у нее даже нет имени. Ее глазки подведены сурьмой – «на удачу» и защита от сглаза. Малышка порой моргает и несколько раз зевает крохотным ротиком. Она – само совершенство, вплоть до крохотных, сжимающихся в кулачки пальчиков. Однако для многих жителей Афганистана она – *накис-уль-акль*, «дура от рождения», поскольку женщина приравнивается к существам, которым недостает ума.

Если малышка выживет, ей, возможно, нередко придется ходить голодной, поскольку вопрос ее сытости вторичен по сравнению с необходимостью прокормить сына в семье, которому будет доставаться лучшая и самая обильная пища. Если у семьи есть шанс отправить детей в школу, приоритет в этом будет у ее братьев. Мужа для нее выберут родители, часто еще до того, как она достигнет половой зрелости. Да и став взрослой, лишь немногие решения в своей жизни она станет принимать сама.

Однако, глядя на доктора Фарейбу, трудно себе представить, что она позволила бы мужчине управлять каким бы то ни было аспектом своего существования. Она сама бросила вызов традиции, успев поработать практически при всех формах правления за последние 20 лет, равно как и в те периоды, когда никакого правительства не было вообще, поскольку потребность в женщинах-врачах существовала всегда. Доктор Фарейба приняла, «наверное, с тысячу младенцев», по ее собственным подсчетам.

– Но почему здесь в счет идут только сыновья? Что есть на свете такого, чего не может делать женщина? – спрашиваю я.

Доктор Фарейба раздраженно вскидывает ладони в воздух. Она это уже объяснила: речь не о способностях. Просто у мужчин и женщин разные роли и разные задачи. Так устроено и функционирует общество. И так было всегда.

К тому же настоящая потребность в сыновьях насаждается не только мужчинами. Женщинам сыновья нужны ничуть не меньше, говорит доктор Фарейба, приводя себя в качестве примера. Три сына – не только главное ее достижение и предмет гордости; они необходимы для выживания семьи. Кто еще, кроме сына, будет защищать родителей и заботиться о них, если им случится дожить до преклонного возраста? А если семейству понадобится спастись бегством от еще одной войны? А в случае ссоры или вооруженного конфликта с другим семейством? В Афганистане нет никакой социальной защиты, здесь слабое здравоохранение и практически отсутствует власть закона. Есть лишь безработица, нищета и постоянные войны. В этом окружении число сыновей приравнивается к силе семьи, как финансовой, так и общественной. Они – страховой полис семьи. Ее сберегательный счет. Ее банк. Сыновья доктора Фарейбы будут поддерживать и гарантировать не только ее жизнь, но и долговечность и родовую линию ее семьи.

У доктора Фарейбы есть и дочь. Но она будет выдана замуж за мужчину, которого выберут родители, и уедет жить в семью мужа. **Право собственности на девушку-афганку буквально передается от одного мужчины – отца другому, который становится ее мужем.** Тот возьмет в свои руки власть над ее жизнью, вплоть до малейших деталей, если будет на то его воля. Возможно, доктор Фарейба даже никогда больше не увидит собственную дочь, если ее будущий зять и его семейство решат переселиться куда-то в дальние края. Напротив, когда женятся ее собственные сыновья, они приведут своих молодых жен в дом доктора Фарейбы, чтобы основать в нем свои семьи. Если повезет, у них тоже родятся сыновья, и ее семья станет еще больше и сильнее.

– Дочь никогда нам не принадлежит, – говорит доктор Фарейба, точно это само собой разумеется. – Зато сын останется с нами навсегда.

Так исстари была устроена жизнь в этой стране, где племенной закон и строгая патрилинейная традиция исторически сулили более высокую степень стабильности, чем большинство правительств. В Афганистане нет почти ничего, в чем можно было бы быть уверенным, не считая открытого неба и собственной смерти – когда-нибудь. А между тем и этим – семья.

Доктор Фарейба не хочет больше об этом говорить.

Однако патриархальная система ее представлений о том, что женщины должны подчиняться мужчинам и что сыновья ценнее дочерей, на самом деле никогда не была «естествен-

ной». Не была она и «богоданным» порядком, существовавшим от века. Ее истоки можно проследить до исторических событий, созданных целиком и полностью людьми.

Когда американский ученый Герда Лернер^[39] занялась в 1980-е годы изучением женской истории, ее исследование представило и свидетельства, и объяснение того, как изначально стал формироваться патриархат. Его не существовало до зарождения земледелия.

Когда люди стали переходить от быта охотников и собирателей к скотоводству и земледелию – где-то между IV и II тысячелетиями до н. э., тогда представления о личной собственности и праве собственности создали потребность в контроле над воспроизводством населения, то есть над женской утробой, поскольку те, у кого было больше всего детей, получали преимущество. И дети, труд которых можно было использовать, и женщины, которые могли произвести на свет детей, стали ресурсами, которые можно было покупать и обменивать ради создания союзов – и таким образом расширять личную собственность. Земли и капитал стали передаваться из поколения в поколение исключительно через наследников мужского пола, создавая абсолютную потребность в сыновьях ради сохранения богатства и создания наследия. Многие общества выросли из этой грубой версии патриархальной системы, которая все еще явно присутствует в наиболее консервативных странах мира, и очевидные остатки ее сохраняются в любых обществах.

Вдобавок к историческим объяснениям истоков патриархата, данным Гердой Лернер, можно еще на йоту приблизиться к пониманию афганской культуры чести и положения, занимаемого местными женщинами, изучая борьбу женщин за свои права, происходившую в западных обществах всего несколько поколений назад. Полезной будет и испытанная репортерская стратегия: следуй за деньгами и подмечай, как те, кто их контролирует, используют все мыслимые и немыслимые аргументы, только чтобы не делиться ими.

Но каким образом женщины, подобные доктору Фарейбе, вообще появляются в такой среде, где большинство афганских женщин – да и мужчин, если уж на то пошло, – приемлют не так уж много отклонений от исконного патриархата?

На деле, почти любой истине, касающейся Афганистана, можно с легкостью найти возражение и почти каждое правило можно изменить – когда это оправдано практикой. Всегда существовали отцы с более либеральным складом мышления, у которых были дочери, и отцы побуждали дочерей исследовать внешний мир. Доктор Фарейба – одна из этих дочерей. Она родилась в обеспеченной пуштунской семье, которая позволила ей завершить большую часть образования в коммунистический период. Ее отец, тоже врач, все четверо ее братьев и семеро сестер окончили университеты. Их семья могла себе это позволить и не видела никаких причин проводить различие между образованием сыновей и дочерей. Муж доктора Фарейбы – врач-терапевт, заботливо избранный ее родителями потому, что он позволил бы их дочери работать.

И все же она должна уважать правила здешней жизни, даже те из них, которые ее расстраивают, и она обрывает меня, когда я подвергаю сомнению систему наследования по мужской линии и навязанных браков: «Это наше общество. Наша культура».

И это типично. Хотя афганка или афганец могут в приватной обстановке заявлять, что какое-то правило нелогично, незаконно и глупо, в то же время они приводят аргументы, почему этого правила следует придерживаться: этого требует общество; общество не готово принять какие-либо отклонения. Таково значение расстроенного пожимания плечами, объяснений типа «желал бы я, чтобы было иначе, но...».

Наказанием за то, что идешь «против общества», будет «молва», а рука об руку с нею идет риск утратить свою добрую репутацию и семейную честь. Обилие сплетен осложняет жизнь и грозит опасностью. Неодобрение соседей, друзей и даже родственников может сделать почти невозможным для мужчины выполнение самых простых задач: получить работу,

выдать дочь замуж в хорошую семью или взять займы денег, чтобы построить дом побольше. **В стране, где государства почти нет и функционируют лишь немногие институты, репутация – одна из надежных валют, потому сохранение ее всегда стоит на первом месте. И, как следствие, сыновьями нужно обзаводиться любой ценой.**

– Меня называют создательницей сыновей, – говорит доктор Фарейба, когда мы усаживаемся после обхода попить чаю, разворачивая пыльную обертку карамельки, взятой со стеклянного подноса. Она зажимает конфету передними зубами и пьет чай как бы сквозь нее, чтобы подсластить, как делают многие афганцы.

Создание сыновей – ее особая специальность, и, по ее словам, она делит ее с некоторыми другими афганскими врачами, которые, как известно, предлагают такую побочную услугу. Это стоит дополнительных денег. Доктор Фарейба прекрасно сознает, что мужской сперматозоид определяет пол плода, но все равно верит, что «изменение условий» внутри тела женщины может сделать эту среду более или менее благоприятной для «правильного» сперматозоида – того, который несет мужскую хромосомную комбинацию. Однако мужчине не требуется никакого специального лечения. Его тело уже завершено и готово к производству сыновей.

Доктор Фарейба ссылается на собственную сестру, у которой есть университетский диплом и муж-инженер. Но их все жалели, поскольку в семье не было сына, только четыре дочери. И она пришла к доктору Фарейбе.

– Она спросила меня: «Почему ты не рождаешь девочек – а рождаешь мальчиков? В чем моя проблема?» Я пролечила их год назад, и теперь, благодарение Богу, у нее есть сын.

Доктор Фарейба лучится улыбкой. Ее племянник, которому теперь семь месяцев, был зачат после того, как доктор Фарейба предписала его матери особый режим, подразумевавший определенные продукты питания, домодельные зелья и особые позиции во время секса. «Я создала его для тебя», – любит она при случае повторять своей сестре.

Эти верные и испытанные методы создания сыновей передались ей от родственниц через многие поколения и были отточены экспериментами и обменом советами с коллегами – афганскими врачами.

– Горячая пища создает мальчиков, – объясняет доктор Фарейба, называя разнообразные блюда, черный чай и сухофрукты, которые она предписывает женщине, если та нуждается в сыне. Наоборот, употребление йогурта, дыни и зеленого чая, которые считаются «холодной» едой, с большей вероятностью приведет к рождению девочки. Могут помочь также кремы и присыпки. Доктор Фарейба готовит большинство из этих средств у себя дома и обменивается результатами с другими врачами. Пациенткам велено вводить во влагалище эти зелья, чья задача – помогать сперматозоидам, несущим Y-хромосому, которая определяет мужской пол.

Классическая медицина признает, что мужские сперматозоиды движутся быстрее, но и устают скорее, а сперматозоиды, несущие женские хромосомы, движутся медленнее, но обладают большей жизнестойкостью и дольше остаются живыми в матке.

Доктор Фарейба советует своим пациенткам лежать после соития пластом, чтобы обеспечить драгоценным мужским сперматозоидам все преимущества, не позволяя гравитации испортить все дело. Однако, по мнению классической медицины, есть только один способ гарантировать зачатие ребенка конкретного пола: изъять яйцеклетку, заранее преградив доступ сперме, а затем имплантировать оплодотворенный эмбрион обратно в матку женщины. Когда я говорю об этом доктору Фарейбе, она лишь улыбается. У нее за плечами успешный «послужной список», и та наука, которой она следует, уходит корнями в седую древность.

– Скажите-ка мне, – молвит она, – а *вы*-то сами во что верите?

Я еще не раз вспомню ее вопрос. **В Афганистане, как с самого начала и говорила мне Кэрол, вера может оказаться куда важнее всего прочего**, и миф имеет здесь не меньшее значение, чем логос.

Однако даже доктор Фарейба соглашается с тем, что порой приходится признать поражение. После того как она и другие специалисты сделают все, что в их силах, родители действительно прибегают к другим решениям.

Да, говорит она, возможно, существуют и другие девочки, подобные Мехран, которых маскируют под мальчиков. Известно: поддельный сын лучше, чем вовсе никакого. Доктор Фарейба понижает тон, говоря об определенном типе семьи. Как терапевт она присутствовала при нескольких родах, после которых новорожденную девочку объявляли сыном. Предположительно ребенка после этого возвращали в деревню и воспитывали как мальчика столько времени, сколько мог продержаться обман или сколько готово было мириться с ним общество, знающее, что это всего лишь «заместитель сына».

Доктор Фарейба и ее коллеги научились не задавать много вопросов, когда в палату «скорой помощи» больницы привозят маленьких мальчиков – и дежурный врач делает ошеломительное открытие, проводя обследование ребенка. Все они «сохраняют маску», выполняя негласный договор с родителями.

В Афганистане не признают права детей. Если родители хотят, чтобы девочка выглядела как мальчик, то право родителей – воплотить свой замысел в жизнь, полагает доктор Фарейба. Это временное экспериментальное состояние впоследствии само себя исправит. Дети, как и говорила Кэрол ле Дюк, становятся на predetermined жизненный путь. Для девочек это означает замужество и рождение собственных детей. Для мальчиков – содержание собственной семьи.

Доктор Фарейба и представить себе не может, чтобы где-то существовали какие-либо документы о том, что она называет частными обстоятельствами каждой семьи. Не горит она и желанием рекомендовать мне кого-либо, кто, возможно, больше об этом знает. Создание такого сына было бы решением его родителей, и их выбор следует уважать. Да и в любом случае какое это имеет значение? **Эти девочки – тайна, и в тайне весь смысл.** Для всех посторонних они – просто *бача*.

Глава 5

Политик

Азита

Это временно, говорили ей.

Азиту как старшую сестру незамедлительно приставили к работе, когда в 1995 г. она приехала в дом бабки и деда в Бадгисе. Чтобы заняться стиркой, следовало вначале развести огонь в дровяной печи и поддерживать его. Затем надо было натаскать свежей воды, за которой ходили к дальнему источнику с двумя тяжелыми ведрами. Самодельный щелок добывали путем погружения золы в соленую воду. Этот щелок смывал грязь с тканей – и кожу с рук.

Ученица элитной кабульской школы оказалась в местности, которая и по сей день остается одной из самых отсталых и неразвитых афганских провинций^[40]. Расположенная рядом с Ираном и граничащая с Туркменистаном, провинция Бадгис получила свое название от сильных ветров, приходящих с гор и проносящихся по ее пустыням и редким фисташковым рощам. Большинство здешних жителей – крестьяне. Лишь немногие умеют читать и писать.

За отсутствием действующих школ, в которых можно было бы учиться, делать здесь особенно нечего, и родители Азиты твердили, что, когда война закончится, они вернутся в столицу и возобновят нормальную жизнь. Азита станет врачом и будет ездить за границу. Все согласно плану.

Однако перспективы 18-летней девушки постепенно становились все мрачнее. В Бадгисе доминируют таджикские племена, есть и пуштунское меньшинство^[41], и Талибан постепенно сжимал кольцо, яростно сражаясь за обретение полного контроля над провинцией. В доме, где Азита проводила большую часть времени, приходилось держать затененными окна, чтобы никакой прохожий не увидел ее тень. Выходя из дома (всегда в сопровождении мужчины), она видела внешний мир сквозь густую сетку бурки, из-за которой при быстрых поворотах головы терялась ориентация и затруднялось дыхание. Ей пришлось неделю привыкать к бурке дома, прежде чем она овладела искусством туго натягивать на лицо ткань, чтобы хоть как-то ориентироваться в том небольшом пространстве, которое открывалось ей во время ходьбы. Она научилась двигаться медленнее, чтобы не подворачивать ноги.

Даже в мирное время местные правители Бадгиса придерживались не особенно либерального взгляда на женщин – что уж говорить о последовавших за ними военных вождях и тем паче о Талибанах, в конечном счете подмявшим под себя большую часть Афганистана и питавшем особую ненависть к этой половине населения.

В своей книге «Талибан» пакистанский писатель Ахмед Рашид описывает тех, кто сражался^[42] за Талибан: многие из них были сиротами, в основном в возрасте от 14 до 24 лет, воспитанными в духе экстремистской версии ислама неграмотными муллами в Пакистане, не имеющими никакого понятия о собственной истории. Это были афганские беженцы, выросшие в лагерях и очень мало знавшие о нормальном обществе и о том, как оно устроено, усвоившие с детства, что женщины – ненужный или, самое малое, соблазнительный отвлекающий фактор. По этой причине они не видели никакой необходимости подключать женщин к принятию решений и другим важным вопросам. Лидеры Талибана высказывались за половое воздержание и утверждали, что контактов между мужчинами и женщинами в обществе следует избегать, поскольку они лишь ослабляют дух воинов.

Контролирование и унижение женщин стали извращенными символами мужественности в талибской культуре войны, в которой мужчины все больше отделялись от женщин и не имели собственных семей. Политика Талибана в отношении женщин была настолько жестока, что даже иранские аятоллы протестовали против нее, говоря, что она бесчестит ислам.

И таким образом роль женщин и отношение к ним стали решающим конфликтом, как в денежном смысле, так и в идеологическом, поскольку руководство Афганистана все больше изолировалось от всего остального мира. По мнению его лидеров, когда западные державы критиковали талибский взгляд на женщин, это подтверждало правильность сегрегации полов, поскольку любая западная идея, изобретение или мнение были решительно антиисламскими. В это определение, разумеется, не входили новейшие вооружения и другие современные привилегии, принадлежавшие руководству, состоявшему исключительно из мужчин.

Дабы развеять скуку жизни в Бадгисе, которая представляла собой практически домашний арест, Азита взяла на себя обязанности по обучению младших сестер. Со временем к ним потихоньку присоединились и другие девочки округи. Официально они просто собирались для того, чтобы бесконечно читать и перечитывать Коран, но Азита давала им и уроки математики, географии и иностранных языков. Книги были источником риска – их было одинаково опасно носить с собой и хранить в доме, – поэтому уроки в основном состояли из воспоминаний Азиты о том, что она вынесла из своей кабульской школы.

Примерно в то же время Азита начала отмалчиваться в присутствии своего отца, Муртазы. Прежде он всегда поверял ей свои тайны, а она секретничала с ним. Они садились вдвоем и разговаривали о политике, истории и литературе. Но война продолжала бушевать, Талибан постепенно стал захватывать власть в Бадгисе, и Муртаза изменился. Он сделался раздражителен. По ночам не мог найти себе места и мало спал. Днем дети старались не путаться у него под ногами, но это было трудно сделать в маленьком доме, при том, что девочки не решались высунуть нос наружу. Азита не могла понять, почему отец, похоже, утратил интерес к их беседам; ее печалило то, что он не уделял ей такого внимания, как прежде.

Через два года после того, как семья переехала в Бадгис, Муртаза получил предложение о браке для старшей дочери. Оно исходило от одного из племянников и было доставлено его вдовой невесткой. **Браки между людьми, связанными узами двоюродного родства, – обычное дело в Афганистане и любимый способ удерживать собственность и другие активы внутри семьи.** Что еще важнее, такие браки, как принято считать, укрепляют семейные узы, поскольку позволяют избежать разбавления своей крови чужой.

К браку с Азитой то и дело приценивались и родственники, и сыновья совершенно незнакомых семей с тех пор, как ее семья осела в Бадгисе. Она не придавала этому особого значения: ей казалось, что люди никак не могут понять, что она попросту не выставляется на рынок невест Бадгиса. По крайней мере, пока. Она стояла на другом пути: она считала, что Бадгис – просто пауза посреди всей остальной ее жизни. Несколько ее одноклассниц в Кабуле питали запретные фантазии о замужестве по любви и сказочных свадебных церемониях, но Азита оставалась холодна к этой мысли на протяжении практически всех своих подростковых лет. Если уж что и можно было вменить ей в вину, так это гордость и неистовые амбиции.

В ее подробно расписанном ближайшем будущем не было времени для парней. Она даже никогда не встречалась с теми, кто предлагал ей брак в Бадгисе, – этих людей принимали ее родители, у которых был заготовлен шаблонный ответ для всех, кто приходил просить у них руки дочери: «Она будет образованной женщиной, и мы не хотим зря тратить ее талант». Тем более тратить его на неграмотного крестьянина вроде двоюродного брата; для Азиты это было очевидно.

Она оказалась не готова к разговору, который подслушала однажды вечером. Муртаза снова был в гневе. Он сам себя обманывал, думая, что Кабул в ближайшем обозримом будущем вернется к нормальной жизни, говорил он жене. Это поставило его в невозможное положение. Он не мог обеспечивать семью, имея только одного десятилетнего сына. Будь Азита мальчиком, все было бы иначе. Семья была бы сильнее и пользовалась большим уважением. Младшие сестры Азиты лишь добавляли трудностей и делали Муртазу слабым мужчиной со сла-

бой семьей, беззащитным перед угрозами со стороны посторонних, с плохими перспективами дохода в будущем.

Все свои 19 лет Азита надеялась, что ее отец не сердится из-за того, что она родилась девочкой. Но именно от следующих его слов у нее перехватило дыхание. Он изменил свое мнение о первоначальном предложении от кузена Азиты. Муртаза его примет. Азита должна выйти замуж.

Колени ее подогнулись, и она осела на пол.

Это решит их проблемы, продолжал Муртаза. Брак дочери с одним из родственников свяжет еще одного взрослого мужчину с его семьей и поможет им всем пережить трудные времена. Это гарантирует безопасность и Азиты, и ее младших сестер: если старшая будет замужем, это как минимум продемонстрирует остальным его решимость; покажет, что у него имеются планы для дочерей. Он говорил своей жене, что она должна согласиться: лучше безопасно выдать Азиту замуж за мужчину, которого они знают, чем рисковать будущим семьи.

Однако мать Азиты, Сиддика, и не думала соглашаться. Она умоляла мужа передумать. Она даже повысила голос. Это будет нехороший брак, говорила она. Что станет с их дочерью, если она выйдет замуж в неграмотную деревенскую семью? Спор перерос в ссору, и Муртаза пригрозил бросить Сиддику, если она его не поддержит. Его решение было неколебимо, и он потребовал, чтобы жена сообщила эту новость Азите. Так это и делается, сказал он ей: это дело матери – сказать дочери, что она должна выйти замуж, и сообщить, кого избрали для нее родители.

Придя к дочери на следующий день, Сиддика начала с того, что стала просить прощения. Она проиграла эту битву. Она плакала, рассказывая Азите, что вскоре та станет женой. После более чем двух десятилетий жизни с Муртазой она не могла пойти против него, ей приходилось сохранять целостность семьи. Сиддика скорбно понурила голову перед дочерью, умоляя ее почтительно согласиться с решением родителей.

– Это твоя судьба, – сказала она дочери. – Ты должна принять ее.

Азита бунтовала, как могла. Она вопила. Она рыдала. Она перестала разговаривать и целыми днями отказывалась от еды. Она существовала в горячке между сном и обостренным от голода и полного изнурения сознанием. Она перестала различать сон и явь. Азита мало что могла сделать: если бы она решилась на побег, ее, скорее всего, арестовали бы, избили и посадили в тюрьму, стоило бы ей выйти за порог. Она понимала, что побег – не вариант. Отказать родителям значило бы навлечь позор на все семейство, и ее отец был бы обесчещен.

Ей нужно, по крайней мере, еще десять лет, сказала она матери, пытаясь поторговаться. Ситуация в Афганистане изменится. Она могла бы поступить в университет, как они и планировали, и добиться выдающегося успеха. Это заставит их гордиться дочерью.

– Я сделаю все, что вы хотите. Просто дайте мне больше времени, – взывала она к матери.

– Прости меня, дитя мое, – отвечала Сиддика. – Я больше ничего не могу сделать. Все кончено.

Впоследствии Азита думала, что была тогда, пожалуй, наивна. Она лишь смутно представляла себе, что когда-нибудь выйдет замуж за мужчину, который будет разделять ее цели так же, как родители. Это будет человек образованный, как она сама, и оба они будут работать. Может быть, он будет ученым, как ее отец. Человеком, которого можно будет уважать, который, в свою очередь, поддержит ее собственные амбиции. Но не неграмотный кузен, которого она не видела с тех пор, как они оба были малышами!

Спустя несколько месяцев Азита покинула родительский дом вместе со своим молодым мужем. Тот увез ее прочь на осле, направляясь к дому свекрови в отдаленную деревню. **В качестве выкупа за невесту отец Азиты получил небольшую полоску земли и тысячу американских долларов.**

Сегодня, выходя после утренней поездки из машины в солнечных очках и кивая агентам безопасности, Азита представляет закон Исламской республики Афганистан. Сегодня, как и в любой другой день, племенные старейшины из ее провинции будут приходить и просить ее об одолжениях. Лидеры политических партий будут пытаться умастить ее, чтобы она проголосовала за них. Бизнесмены будут стараться купить ее поддержку.

Она принимает их всех в парламентском флигеле, восседая во время встреч во главе длинного стола для совещаний, изготовленного из красного дерева. Эти встречи редко бывают расписаны или ограничены по времени, у них нет никакой установленной программы, они просто катятся друг за другом на протяжении всего ее дня; за дверью всегда ждет очередная группа мужчин. Азите платят две тысячи долларов в месяц, чтобы она сидела в нижней палате национальной ассамблеи, вырабатывая и ратифицируя законы и одобряя кандидатуры членов парламента.

Посетитель может достичь лестницы этого желтого здания только после того, как его допуск будет одобрен на четырех КПП, обложенных мешками с песком; по обе стороны последнего из них стоят американские «хаммеры», из которых торчат головы автоматчиков. И пусть охранники здесь местные, но правительство, равно как и само государство, поддерживается войсковой группировкой численностью в 130 000 человек из 48 стран^[43], хотя большинство из них – американцы. Они базируются сразу за горами, и над толстыми стенами, окружающими территорию, трепещет на шесте одинокий афганский флаг.

Это правительство было создано с использованием стандартной тактики «построения государства»^[44] западными странами после того, как ликвидируется очередной режим. На конференции, проходившей в ноябре 2001 г. недалеко от бывшей западногерманской столицы, города Бонна, несколько десятков афганцев, избранных из числа тех, кто был союзником американцев, собрались вместе, чтобы организовать первое со времен советского вторжения 1979 г. национальное правительство и набросать черновик новой конституции. В основном это было собрание победителей, преимущественно тех афганцев, которые представляли вооруженный Северный альянс, помогавший силам особого назначения США свергнуть Талибан. Вожди нескольких крупнейших пуштунских племен, которых иностранцы сочли близкими к Талибану, приглашены не были. Тогда нельзя было идти ни на какие компромиссы в планировании и приведении в исполнение плана создания новенькой, с иголочки, страны.

Примерно в то же время освобождение женщин стало еще одним обоснованием войны в Афганистане в устах американских и европейских политиков^[45] – обоснование, почти равное по значимости борьбе с терроризмом. В новой стране, которую предстояло создать, половине населения должны были быть пожалованы доселе немыслимые послабления: после нескольких лет, на протяжении которых они не могли выглянуть даже в окно^[46], афганкам собирались позволить выходить из дома без родственника-сопровождающего. Кроме того, они должны были быть представлены в правительстве, занимая обязательный минимум мест – 25 % (женская квота)^[47], что в те времена было даже больше, чем в Великобритании с ее 22 % и в США с 17 %.

Было создано министерство по делам женщин, и новая конституция гласила – впрочем, как и Коран,^[48] – что мужчины и женщины равны^[49]. Западные страны вскоре преисполнились решимости превратить одну из беднейших стран мира в сверкающее новенькое государство с помощью обильных вливаний иностранных гуманитарных денег и специалистов. В тот момент, когда Азита в 2005 г. вошла в число 249 членов нижней палаты парламента, она олицетворяла новый американский план развития Афганистана.

В этот день она начинает свою первую встречу, приглашая к разговору троих мужчин из Бадгиса. Они приехали заступаться за брата, который был приговорен к 16 годам тюремного заключения за контрабанду наркотиков. Он невиновен, говорят они Азите.

Она кивает. Можно ли ей посмотреть судебные документы? Мужчины выкладывают на стол бумаги. И они протягивают ей еще один документ, который составили заранее. В нем сказано, что некий член парламента знает, что их брат невиновен и должен быть немедленно освобожден. Не будет ли она так добра подписать вот здесь, чтобы они смогли отнести эту бумагу губернатору провинции и просто забрать брата домой?

Нет-нет, эта система устроена не так, объясняет Азита. Она не может изменить решение суда. Она – член парламента, а не судья. Мужчины озадачены:

– Но ведь вы – наш представитель. Вы обладаете такой властью! Вы должны сделать это для нас!

Азита предлагает компромисс: она поможет им подать апелляцию по делу брата в верховный суд Кабула.

– Это все, что я могу сделать. Я потребую от них нового расследования дела. Я потребую от них этого, а также скажу им, что вы – мои односельчане.

Никакого иного пути нет, уверяет она их, одновременно мягко закладывая в их сознание базовую структуру системы правосудия, переходя с пушту на дари, чтобы ее понимали все присутствующие. Еще один мужчина из Бадгиса подает голос, добавляя к ситуации новую подробность: заключенный, о котором идет речь, был признан виновным не только в контрабанде наркотиков; его приговорили еще и за помощь Талибану в изготовлении придорожного взрывного устройства.

Тут Азита начинает терять терпение.

– Обед готов? – спрашивает она у работницы, которая зашла в кабинет посреди встречи, чтобы протереть стол. Она уверяет своих посетителей, что расспросит адвоката, можно ли подать апелляцию по этому делу. Затем приглашает их задержаться и пообедать с ней.

Во второй половине дня она присутствует на одном из ежедневных продолжительных, порой хаотичных заседаний ассамблеи в главном здании, которое все еще пахнет краской и свежим деревом. Внутри тускло освещенного амфитеатра, заполненного в основном мужчинами, заседания часто прерываются процедурными деталями, например переводами с одного официального языка на другой. Кроме того, многие представители не умеют читать, и документы приходится зачитывать им вслух. А еще бывают частые отключения электроэнергии, во время которых все погружается во тьму, пока запасные генераторы не включатся снова.

Председатель не так уж часто дает Азите слово, а когда это случается, другие протестуют или просто перебивают ее. Когда она что-нибудь предлагает, ее часто игнорируют – а потом она слышит, как тот же план обсуждают другие.

Ее коллег-женщин, общим счетом 62, разбросанных маленькими группками по всей ассамблее, едва ли можно описать как сестринство. Они не выступают общим фронтом^[50] в вопросах, касающихся прав женщин. Некоторые откровенно служат «структурными нулями», рекрутированными богатыми и могущественными воинственными князьями, стремящимися усилить собственное влияние. За несколькими примечательными исключениями женщины в парламенте преимущественно помалкивают. На протяжении почти пяти лет пребывания на государственной службе они присутствовали при ратификации законов, направленных в действительности на дискриминацию женщин^[51] – и так же, как парламентарии-мужчины, не возражали, когда была объявлена амнистия за военные преступления^[52].

Азита считает себя политиком-прагматиком, пытаясь мудро пользоваться тем небольшим капиталом и пространством для маневра, которые есть в ее распоряжении, поскольку она представляет отдаленную провинцию и не имеет личного состояния.

Для избирательной кампании, которая привела ее сюда, один сторонник одолжил ей 200 долларов, чтобы она зарегистрировалась как кандидат. Страх не суметь вернуть эти деньги преследовал ее все время, пока продолжалась кампания. Не имея опыта политической борьбы, она делала все, что могла, чтобы ее имя стало известно в тех частях провинции, куда было

слишком опасно ездить, – там, где правил Талибан или местные милитаристы. Азита полагает, что свободное владение пушту помогло ей завоевать место в парламенте, поскольку некоторые из племенных старейшин отдали за нее свои голоса. Она надеется, что хотя бы небольшая доля женщин ее провинции тоже голосовала за нее – с разрешения мужей и отцов.

Теперь, после того как ее перебивали и даже высмеивали за то, что она осмелилась на днях выступить в министерстве образования, где и я была среди слушателей, она стоически сидит в своем кресле, просто глядя в пространство. По логике Азиты, лучше существовать внутри правительства, где у нее по крайней мере есть право голоса, чем кричать о правах женщин, стоя перед баррикадами, где услышать тебя смогут лишь немногие, не считая иностранных журналистов.

Как и Кэрол ле Дюк, Азита ни за что не стала бы называть себя феминисткой. Это очень уж провокационное слово, которое ассоциируется с иностранцами. Ее собственный вид сопротивления несколько иной. Например, она никогда не упускает возможности появиться перед камерами. Молодая и энергичная афганская пресса, большая часть которой функционирует на гуманитарные деньги, часто просит Азиту комментировать парламентские переговоры, и она никогда не отказывает. Она предпочитает давать интервью на лужайке снаружи здания, поскольку пленум обычно раздражается гневным ропотом и жалобами при виде видеокамеры, хотя фотографировать разрешено.

Азита никогда не спорит с коллегами, которые заявляют, что женщинам не следует появляться на телевидении, но для нее именно в этом и заключается весь смысл. Если юноша или девушка где-нибудь в Афганистане видит на экране телевизора женщину, да притом еще избранного политика, это кое-что да значит. Просто показать им, что она по крайней мере существует. Что она – воплощенная возможность.

Азита тщательно следит за своими манерами, на экране и вне его, прекрасно сознавая, что ее внешность и личная жизнь подвергаются придирчивому рассмотрению. То, что она на самом деле говорит или как она ведет переговоры, значит меньше. Соскользнувший платок, небрежное замечание, громкий смех – все это было бы неприемлемо для серьезного политика. Здесь все личное всегда бывает политическим. Она следит за своими коллегами-женщинами и изучает их, постоянно подстраивая собственное поведение под негласные требования и вопросы: *Во что она одета? Не слишком ли громко она говорит? Не жестикулирует ли она чересчур активно, когда разговаривает? Не чересчур ли самоуверенна ее походка? Хорошая ли она жена и мать? Сколько у нее сыновей? Выглядит ли она как ревностная и скромная мусульманка? Молится ли она? Сколько раз в день?*

Исламскую республику Афганистан чаще всего описывают как строго мусульманское общество. Независимо от личных убеждений, внешность, хотя бы чуть-чуть отклоняющаяся от крайнего благочестия, может повредить репутации и навлечь опасность. Что еще более усложняет ситуацию в преимущественно неграмотном обществе: афганцы часто расходятся во мнении о том, что на самом деле входит в понятие «доброго мусульманина».

Крупнейший орган религиозной власти в стране^[53], Национальный совет религиозных ученых, или Совет улемов, состоит из 3000 представителей со всех концов страны – и у большинства за плечами моджахедский «багаж» 1980-х. Известно, что Совет проповедует все, что созвучно переменчивым альянсам его членов и их политическим целям, часто осуждая присутствие иностранцев и выпуская жесткие декреты, ограничивающие роль женщин в обществе.

Луи Дюпре описывал это противоречие^[54] в своей работе об Афганистане: «Ислам, в сущности, не является регрессивной, направленной против развития, антисовременной религией, хотя многие из его интерпретаторов – его человеческий, действенный компонент – действительно могут быть ретроградами и антипрогрессистами». Таково извечное проклятие органи-

зованной религии – ее *интерпретация* нередко служит простым смертным средством, позволяющим контролировать других.

По мнению Азиты, вера есть и должна быть делом личным:

– Я хожу в мечеть. Хожу на пятничный намаз. Молясь, я верю, что Аллах меня слышит и что, если ты помогаешь другим, Он больше тебя любит. Иногда по делам, связанным с работой, я бываю в посольствах, где люди курят и пьют спиртное. Я этого не делаю. Но я не сказала бы ничего плохого о тех, кто это делает. Я полагаю, что у каждого могут быть собственные идеи, собственные убеждения. Моя версия такова, какова есть.

Когда она возвращается домой в конце дня, разнообразные просители уже выстроились снаружи здания, в котором находится ее квартира. В нем нет ни охраны, ни каких-либо иных средств безопасности. Одному нужна работа. Другой просит Азиту быть судьей в семейном конфликте. Все они рассчитывают на угощение и ночлег в ее квартирке на две спальни. **По словам Азиты, «будучи членом парламента, ты и гостиница, и ресторан, и больница, и банк».**

Избиратели то и дело просят денег в долг. У Азиты нет сбережений, но отказ без попытки хотя бы предложить небольшое возмещение дорожных расходов будет расценен как враждебность. Еще хуже – отказать человеку, которому нужен ночлег. Так просто не делается. Велик риск, что в этом случае проситель вернется в Бадгис, рассказывая, что Азита – ленивый и высокомерный представитель, которому наплевать на свой народ.

Она быстро усвоила это в ходе своей работы.

– Работа женщины-политика сильно отличается от работы мужчины. В течение дня ты – политик, а потом, добравшись до порога своего дома, ты должна быть хорошей матерью и домохозяйкой. Я должна заботиться о своих детях: делать с ними домашние задания, готовить для них, накрывать на стол и убирать. Потом я должна принимать своих гостей и быть для них хорошей хозяйкой.

Она подбадривает себя, готовя ужин на десятерых большую часть недели.

– Я сравниваю себя с другими женщинами-политиками в мире. Все мы должны усердно трудиться и игнорировать тех, кто говорит, что нам в политике не место.

Ближе к полуночи она, наконец, снова остается одна, все в том же углу спальни, в котором начинала свой день. Только теперь она в джинсах, с коротким хвостиком, в свободной тунике. Она втирает в лицо охлаждающий крем «Пондс», чтобы удалить пудру, теперь уже смешанную с пылью и маслом от газовой горелки, стоящей на кухонном полу. Без косметики ее лицо становится мягче, моложе.

За ужином она принимала в гостях восьмерых мужчин из Пакистана и их детей; некоторые из них теперь спят на полу в другой комнате. Гости были приняты с подобающим почтением, их уважили и щедрыми порциями поданного к столу мяса, и гостеприимством, проявленным по отношению к ним мужчинами дома: Мехран, босая, в снежно-белом *перан тонбан*, сидела рядом с отцом, одетым в точно такой же наряд. Сияя от всеобщего внимания и взволнованно болтая с собравшимися мужчинами, Мехран заодно ухитрялась следить глазами за матчем по реслингу на телеэкране в углу. Гости болтали и смеялись, а Азита тем временем продолжала наполнять тарелки горками риса и рагу, курсируя между гостиной и кухней.

– Прежде они уже через 5–10 минут принимались расспрашивать о моих сыновьях, и весь дальнейший разговор крутился вокруг вопроса о том, почему у меня нет сына. «Нам так жаль тебя! Почему бы тебе не попытаться в следующий раз родить сына?» – говорили они. А я хочу прекратить эти разговоры в моем доме. Люди считают, что без сына ты слабее. Так что теперь я дарю им этот образ.

– Так, значит, все они введены в заблуждение? И никто больше не знает?

Знают ее близкие и родственники. Возможно, догадываются некоторые соседи. Но никто не комментирует.

– А что, если кто-то напрямую задает вам вопрос, мальчик Мехран или девочка? – спрашиваю я.

– Тогда я не лгу. Но этого почти никогда не случается.

Но если бы это стало известно более широкому кругу людей? Стало бы ей стыдно? А как насчет опасности для Мехран со стороны религиозных экстремистов? Или просто кого-то из тех многих, кто твердит, что людям следует жить в согласии с исламом?

Все это – не тот случай, по словам Азиты.

Вероятно, оттого, что абсолютная потребность в сыне попирает всё прочее, замаскированная девочка – или любой иной коллективный «секрет» – существует в Афганистане в рамках той же политики, которая некогда действовала в отношении геев в вооруженных силах Соединенных Штатов: «Не говори – не спросят».

У Афганистана и без того хватает забот. **Девочка, которая растет, одеваясь в мужскую одежду, не является оскорблением;** в сущности, это лишь подтверждает установленный порядок, при котором мужчинам достаются все привилегии. Как сказала Кэрол ле Дюк, «общий обман в какой-то момент перестает быть обманом».

Так же как Кэрол ле Дюк и доктор Фарейба, Азита мягко намекает на то, что я, возможно, слишком увлечена вопросами пола – более, чем она или любой другой афганец. В конце концов, подчеркивает она, мы ведь говорим всего лишь о ребенке. Почему так важно выставлять напоказ ее женский пол, особенно если он ставит на маленькой девочке клеймо более слабого и ограниченного ребенка, имеющего меньшую ценность? Наоборот, точь-в-точь как Гарри Поттер, когда надевал мантию-невидимку, Мехран может свободно расхаживать по миру в брюках с короткой стрижкой. Девочка всегда выделяется: она – мишень, к которой применяются особые правила и установления.

Эта западная идея «быть собой» неприменима здесь и для взрослых. В свои 18-часовые рабочие дни Азита тоже играет роль, держа под спудом все то, что думает как личность:

– Теперь большую часть времени я политик. Не Азита.

– А какая она – эта другая Азита?

Азита закатывает глаза.

– Эта другая – более веселая. Она счастлива, у нее больше времени для того, чтобы жить по-своему. Не так, как хотят другие люди. Люди не смотрят на нее все время. Она лучше как мать. **В Афганистане приходится убивать в себе все и адаптироваться к обществу. Это единственный способ выжить.**

– Как вы думаете, Мехран превратилась бы в мальчика, не будь вы политиком?

– Честно? Нет.

– Но разве вы не беспокоитесь о Мехран? Разве вы не думаете о том, каково это для нее и что с ней будет?

– Я думаю об этом каждый день. Каждый день я гадаю, правильно ли это.

Глава 6

Нелегалки

Простая математика: если ее поймают, всем будет нечего есть. И каждый день она боится разоблачения.

Все, что приказывают делать Нииме, она делает очень быстро. Она карабкается на лесенку, чтобы достать товары с верхней полки. Она ныряет под сложенные штабелями ящики импортированных из Пакистана апельсинов, чтобы вытащить коробки с чаем. Она втискивает свое маленькое гибкое тело между туго набитыми мешками с мукой, стоящими за прилавком. Она старается никогда не глядеть прямо в лицо покупателям. Ей кажется, что **если бы они взглянули ей в глаза, то поняли бы, что она – ненастоящий мальчик.**

С короткой стрижкой, одетая в серую тунику, десятилетняя Ниима идеально играет свою роль. Но нежный голос ее выдает. Вот почему она редко открывает рот, будучи Абдулом Матином – под этим именем она в основном известна за пределами глинобитных стен своего дома в одном из беднейших районов Кабула, где открытая сточная канава бежит вдоль домов, сложенных из шлакобетонных блоков. Каждое утро Ниима в платье и платке проводит два часа на занятиях в школе. Затем она возвращается домой, переодевается в рабочую одежду и идет работать помощником продавца в маленький продуктовый магазинчик рядом с домом, где живет ее семья. В среднем она ежедневно приносит домой сумму, эквивалентную 1 доллару 30 центам. Это дает возможность содержать ее пуштунскую семью, состоящую из восьми сестер и их матери.

Ниима выдает себя за мальчика исключительно ради выживания своей семьи. В этом нет ничего добровольного, и ее поступок едва ли содержит какой-либо элемент свободы.

В доме Ниимы туфли и сандалии, оставленные снаружи, отделяет от внутренних помещений лишь тонкая, ветхая занавеска. Отец Ниимы – безработный каменщик, он часто отсутствует дома и тратит большую часть денег, которые ему удастся добыть, на наркотики, говорит мать Ниимы.

Превратить Нииму в мальчика – идея владельца магазина (это друг семьи), и она уже несколько лет играет эту роль по полдня в сутки.

– Он посоветовал нам это сделать. И сказал, что она сможет добывать хлеб для нашей семьи, – объясняет ее мать.

Ниима ни в коем случае не смогла бы работать в магазине как девочка – равно как и ее мать, – даже если бы захотела. Согласно семейным правилам, это было бы невозможно для женщины-пуштунки.

– Наша традиция такова, что женщины не работают на такой работе.

Родственники были бы опозорены. А муж никогда не пошел бы на это.

Никакого энтузиазма у Ниимы роль мальчика не вызывает. Для нее это тяжелый труд с минимумом приятных сторон. Она предпочла бы выглядеть как девочка. Дома ей нравится брать займы одежду у сестер. Она каждый день жалуется матери:

– Мне неудобно рядом с мальчишками в магазине.

Мать утешает ее, говоря, что пройдет еще всего пара лет, и она сможет превратиться обратно в девочку. Будущая жизнь семьи уже расписана: когда Ниима станет слишком взрослой, чтобы работать в магазине, ее место займет младшая сестра. А после той – следующая.

Чересчур раннее возвращение Шубнум в девичество уже началось. Эта восьмилетняя девочка все еще носит *перан тонбан*, но ее волосам позволено отрастать. Никто не предполагал, что это случится раньше 13-летия, но ее манеры, приступы хихиканья и длинные трепещущие ресницы больше не позволяют ей сойти за мальчика. Когда ее разоблачили в школе, кото-

рую она посещала вместе со старшим братом, учителя не возражали. Но Шубнум пришлось вынести массу насмешек и дразнилок в классе от остальных учеников, узнавших, что она – девочка.

Когда я навещаю ее мать, Нахид, в двухкомнатной квартире рядом с Кабульским университетом, на зернистом экране телевизора Джек Бауэр из сериала «24» пытается подозреваемого мусульманина-террориста электрическим током из разбитой лампы. Шубнум и ее брат завороченно уставились в экран. Их старшая сестра в головном платке со стеснительной улыбкой стоит в уголке, глядя в основном на собственные руки.

Хотя у Нахид уже есть один сын, обстоятельства требуют еще одного. Когда склонный к насилию муж, с которым она прожила 17 лет, потребовал, чтобы она полностью скрыла лицо и тело и не выходила из дому, Нахид предпочла уйти от него, в чем была. Отец Нахид заключил с ее мужем очень необычную и дорогостоящую сделку в момент их расставания: семейные деньги останутся у мужа в обмен на детей. В противном случае **мужья имеют абсолютные права на детей^[55], потому-то и уровень разводов в Афганистане стремится к нулю.**

При поддержке родителей Нахид перебралась в другую часть города и начала свою жизнь заново. Она нашла работу и квартиру. Но ей, одинокой матери троих детей – вещь почти неслыханная в Кабуле, – нужно было уравновесить семью дополнительным сыном, чтобы они все чувствовали себя защищенными.

В ней, разведенке, видели доступную женщину вольного поведения, ее неотступно преследовал риск угроз и насилия со стороны мужчин, равно как и масса прямых и косвенных знаков неодобрения со стороны женщин. Однако теперь, с двумя сыновьями, она считается чуть более уважаемой женщиной.

Все сработало бы отлично, не будь Шубнум такой упрямой и такой непрошибаемо типичной девчонкой. Всякий раз, как ее вели к парикмахеру, чтобы подстричь, она разражалась слезами. Потом дергала себя за короткие волосы, чтобы заставить их расти быстрее, а дома почти маниакально натягивала на себя платья старших сестер.

В конечном счете Нахид сдалась. Она винит в этом себя: возможно, ей не удалось достаточно соблазнить Шубнум перспективой быть мальчиком.

Когда Шубнум спрашивают, кем она предпочитает быть – мальчиком или девочкой, та ни секунды не задумывается.

– Девочкой! – отвечает она с широкой улыбкой и высоко поднятой головой. Она бросает взгляд на экран телевизора, где в эту минуту танцовщицы энергично исполняют индийский танец бхангра. – Чтобы носить украшения и танцевать.

Ее желание будет исполнено. На ее будущей свадьбе, если не раньше.

Я постепенно начала проникать сквозь многослойные тайны Кабула в поисках других девочек типа Мехран. Шубнум и Ниима – одни из первых, кого я нашла. Я вычислила их благодаря плодородному кабульскому лабиринту сплетен, где информация из первых рук редко достается сразу, а если и сообщается, то только с глаза на глаз.

Официально их не существует, но, если спуститься на одну ступеньку ниже получившей заграничное образование кабульской элиты, то многие афганцы действительно вспоминают бывшего соседа, кого-то из родственников, коллег или дальней родни, имеющего дочь, которую воспитывают как мальчика. Поначалу имена называют редко, а адреса и того реже. Но сокровищница человеческого знания, укорененная в системе жесткого социального контроля, никуда не девается, существуя в виде телефонного справочника, базы данных и карты.

С помощью Омара и Сетарех, двух молодых переводчиков-афганцев, которые мало чего на свете боятся, зато отлично смыслят в «дворовой мудрости», я постепенно кую цепочку рекомендаций, откровений и знакомств, которая со временем начинает добывать доказательства того, что на самом деле в Кабуле и его округе живут и другие такие девочки. И их немало.

Одна живет «рядом с третьим домом, где срубили дерево». Другая, как полагают, «на первом этаже в доме без окон рядом с базаром». Или «на другой стороне лагеря беженцев, чуть дальше по дороге, за голубыми воротами с колючей проволокой». Есть одна такая в одной средней школе; другая – в таком-то районе. Известно, что дочь одного человека играет на поле в футбол и помогает отцу в портняжной мастерской.

В своих поисках мы часто путаемся и временами совершенно заблуждаемся, колеся по переулкам и районам, где можно ездить часами, не встретив ни одного указателя с названием улицы. Но когда мы, наконец, добираемся до нужной семьи и осторожно принимаемся расспрашивать, не может ли такого быть, что сын их – на самом деле *девочка*, от всегда вежливых и гостеприимных афганцев, независимо от того, живут ли они в элегантных виллах или в халупах, сооруженных из брезента и глины, поступает приглашение на чай.

После длительной процедуры знакомства, всегда сопровождаемой тонкими дипломатическими «заходами» Омара или Сетарех, нередко – вопросами о Швеции и моей собственной семье (в особенности об отце), и неоднократно подливаемым чаем, нам позволяют познакомиться с подставным сыном семьи и поговорить с «ним».

Мы с Сетарех вскоре начинаем соревноваться друг с другом, кто раньше заметит отличительные черты, характерные для девочек под личиной мальчика. Некоторых выдают более нежные черты лица или случайное хихиканье. Другие – позерки, они немного перебарщивают с мальчишеским подходом и демонстрацией агрессии. Но чаще всего мы распознаем пристальный, вызывающий взгляд, словно у нас есть общая тайна.

Случается, что маленький мальчик одаривает кого-нибудь из нас лукавой улыбкой на улице или в школе, а потом, позднее, наедине или в присутствии родителей подтверждается, что этот ребенок действительно «немного» отличается от компании, с которой водится.

Хотя ни одна из девочек не выбирала мальчишество добровольно, большинство говорят, что им по душе заимствованный статус. Отношение зависит от того, что им приходится с этим статусом *делать*. Для каждого ребенка вопрос сводится к сопоставлению выгод и обременительных обязанностей. Те, кто, подобно Мехран, растет в семьях высшего и среднего класса, часто служат символами престижа и чести своих семей, упиваются возможностью смело подавать голос в школе и играть в энергичные игры на свежем воздухе в своей округе.

Другие, из бедных семей, надломлены навязанным им детским трудом, как и настоящие мальчишки в том же положении. «Пусть это ужасное место для женщины. Но и для мужчины в нем нет ничего особенно хорошего», – любит говорить Кэрол ле Дюк. Среди уличных детей, занятых в торговле, продающих жевательную резинку, полирующих обувь или предлагающих на улицах помыть стекла машины, некоторые действительно мальчишки, а другие – замаскированные девочки. Все они – часть подбрюшья Кабула, и для посторонних, мимохожих-мимоезжих, они по большей части просто невидимы.

Я выясняю даже, что имеется особое название для тех детей, которых на самом деле нет. Обиходное название для ребенка, который и не сын, и не дочь, – *бача пош*. Посоветовавшись с переводчиком, я в конечном счете записываю эти слова латиницей, поскольку никаких принятых написаний этих слов нет. Это выражение буквально переводится с дари как «одетый как мальчик». На пушту этот «третий тип» ребенка могут также называть *алака-ана*. Само существование и широкая известность этого термина указывают, что эти дети не так уж необычны. К тому же они – отнюдь не новый феномен.

Временами в своих поисках *бача пош* мы забредаем совершенно не туда, обращаясь не к той семье, путая дом или район. А порой находим совсем не то, что искали.

В доме у закрытой территории неподалеку от Кабульского аэропорта, выстроенном для искалеченных ветеранов войны, нет электричества. Солнце село несколько часов назад,

и в одной из маленьких темных комнат, занимаемых этой семьей, 12-летнего Эсмаиля представляют нам как «единственного сына» среди десяти сестер. У Эсмаиля темные волосы, кустистые брови и даже намек на черные волоски на верхней губе. В этом подростке нет ничего женственного, и я одновременно раздражена и смущена. Может быть, нам просто дали об этой семье неверные сведения?

Однако уйти сейчас, когда нас уже пригласили в дом, было бы невежливо, так что мы садимся пить чай, пока мать Эсмаиля рассказывает свою историю. Она передвигается медленно, опираясь на самодельный костыль, обмотанный тряпками. У нее только одна нога. Другой она лишилась в результате взрыва бомбы в 1985 г. Десять детей в возрасте от года до двадцати собираются вокруг нее на тощем ковре, покрывающем цементный пол. Старшая выросла при Талибанах, и, как многие девушки той эпохи, она неграмотна. Она намного менее уверена в себе, чем младшие сестры, которые ходили в школу с 2002 г. и взволнованно говорят о том, как станут врачами или юристами, когда вырастут.

Но мать шикает на них. Единственное, о чем она хочет говорить, – это об Эсмаиле. Он – самый умный из ее детей, и все деньги, которые семья в состоянии откладывать, идут в фонд его высшего образования. Девочкам придется ждать своей очереди, если от этих денег вообще хоть что-то останется. Эсмаиль – ее «свет», говорит мать.

– Я не отличаю никого из своих детей, но знаю, что Эсмаиль достигнет высокого положения в обществе.

Эсмаиль пришел в их семью благодаря божественному вмешательству, объясняет она. Когда родилась шестая дочь, отчаявшаяся мать решила, что ребенка следует представить миру как сына. Она говорила всем и каждому, что ее малютка – на самом деле новорожденный сын. Наличие поддельного мальчика во младенчестве не имело никакого практического смысла для семьи. Зато имело другой смысл – *магический*. Друзья и соседи говорили матери, что, если она сможет превратить свою дочь в мальчика, это принесет ей удачу. Удачей в данном случае считался *настоящий* сын. Эта хитрость помогала многим семьям до нее: благодаря визуальной манифестации, когда женщина смотрит на образ ребенка мужского пола каждый день, ее тело со временем становится способно зачать сына.

И на этом завеса, наконец, падает: Эсмаиль – не девушка, замаскированная под мальчика, он *действительно* единственный сын в семье. Рассказывая историю о том, как она родила сына, после того как два года одевала как мальчика одну из дочерей, мать выглядит безмерно довольной. Ее шестая дочь, которая играла роль *бача пош*, умерла, едва ей сравнялось три года, зато послужила великой цели.

Пытаясь переварить этот новый дополнительный мотив для превращения девочки в мальчика, я ерзаю, сидя на полу. Все умолкают, и это указывает, что мы снова вступили в сферу, где привычная для меня логика или научные знания больше недействительны.

– Понятно. Но как можно знать, что это сработает...

Мать Эсмаиля перебивает меня быстрым жестом, указывая на сына:

– Взгляните на него. Вы же сами это видите.

– Ну разумеется!

Это один из самых распространенных способов произвести на свет сына, подтверждает доктор Фарейба, когда на той же неделе мне удастся застать ее в Кабуле. Конечно, не такой безошибочный, как ее собственные советы и хитрости, но часто используемый в деревнях по всему Афганистану, где невозможно попасть на прием к научным экспертам уровня доктора Фарейбы.

В этот день она в прекрасной форме, ведет в захудалой гостиничке в районе Шар-и-Нау семинар для десятков медиков-афганцев из самых отдаленных провинций страны.

Главный вопрос программы – грудное вскармливание. В провинциях, где гуманитарные организации распределяют сухое молоко, возникла проблема. Изначальные получатели порошка для молочной смеси, беднейшие женщины, перепродают его на рынках, что дает возможность чуть более обеспеченным женщинам покупать ее, полагая отказ от грудного вскармливания признаком богатства. В попытке прекратить злоупотребления гуманитарной помощью доктор Фарейба и ее коллеги стараются пресечь эту тенденцию и уговорить женщин попытаться хотя бы пару месяцев покормить грудью новорожденных.

В Кабуле – ранняя весна, и женщины-участницы удалились в заднюю комнату, где стоят два пухлых дивана и пластиковый напольный вентилятор гоняет по комнате воздух. Медики-мужчины перекусывают где-то в другом месте. Доктор Фарейба приглашает нас присоединиться к застолью, где восемь афганок-врачей из восьми разных провинций передают по кругу дольки арбуза на стеклянных тарелках. Когда я подсаживаюсь к столу вместе с Сетарех, все они наперебой стараются подкладывать нам лучшие куски. Право обслуживать нас предсказуемо достается старшей из женщин, и она наваливает на тарелки целую гору арбузных долек. Но есть кое-что, чего я желаю больше арбуза: мне интересно, существуют ли *бача пош* повсюду в Афганистане, в том числе в их провинциях.

После осторожного знакомства с темой с помощью Сетарех и недолгих уговоров доктора Фарейбы женщины одна за другой принимают рассказывать истории о том, как новорожденных девочек в их деревнях в момент рождения объявляли мальчиками.

Эти семьи могут быть богатыми, бедными, образованными, необразованными, пуштунскими, таджикскими, хазарскими или туркменскими – это не имеет значения, говорят мне. Единственное, что связывает всех этих девочек, – *потребность* семьи в сыне. Эти женщины встречали девочек, которые живут как мальчики, потому что семье нужен еще один источник дохода в виде работающего ребенка, потому что дорога до школы опасна и мальчиковое обличье обеспечивает некоторую безопасность или потому что в доме нет сыновей, а семья нуждается в том, чтобы предстать перед деревней как полноценная. Обычно, как мы уже видели в Кабуле, дело – в сочетании факторов. Бедная семья может нуждаться в сыне по иным причинам, нежели богатая, но никакие этнические или географические резоны их не разделяют. **Все они – афганцы, живущие в обществе, которое требует наличия сыновей практически любой ценой.**

И для большинства из них, говорят медики, присутствие *бача пош* в семье – принятая и не вызывающая сомнений практика, при условии, что девочка превращается обратно в женщину, войдя в пубертат, затем она должна выйти замуж и родить собственных детей. Запоздание с обратным превращением может иметь негативные последствия для репутации девушки.

Ведь девочка-подросток не должна и близко подходить к мальчикам-подросткам, даже под мальчишеской личиной. Она может нечаянно коснуться их – или, скорее, они коснутся ее, – и тогда в глазах тех, кому известен ее секрет, она станет распушенной и нечистой. Это может лишить ее шансов на брак, и такую девушку будут расценивать как недобросовестное предложение. Может оказаться запятнана репутация всей семьи.

Так сколько же таких *бача пош* в Афганистане?

Этого никто не знает. Они – меньшинство, но встреча с ними в деревнях по всей стране – «не то чтобы редкость». Обычно таких переодетых девочек одна или две в любой школе. Часто такой ребенок работает подручным в маленькой лавчонке. И все медработники видели их в клиниках, сопровождающих мать или сестру или в роли пациента, который, оказывается, имеет от рождения иной пол, нежели предполагалось вначале. Всем медработникам случалось с этим сталкиваться, и они в один голос говорят, что каждая семья, имеющая одних дочерей, обязательно рассматривает вопрос о превращении одной из них в мальчика. По их мнению, девочкам полезно пожить несколько лет как мальчики, прежде чем для них начнется другая, полная тягот жизнь, связанная с рождением собственных детей.

Одна из присутствующих врачей, женщина из провинции Гильменд, на пятом месяце беременности. У нее уже есть четверо сыновей. Другие шутят, что она «вне подозрений». На сей раз она хотела бы девочку. Муж поддерживает ее желание. Это впервые я слышу, как женщина говорит, что хочет родить дочь. Другие женщины поздравляют ее. Они обожают девочек, говорят они. Но притом являются женщинами и реалистками. В них живет глубокое и личное знание о том, как это непросто – появиться на свет еще одной девочке в такой стране, как их родина. Будущее дочери здесь зависит от ее отца. Одна повитуха из Вардака четко излагает проблему:

– Хорошо иметь дочь только с хорошим мужчиной. С плохим мужчиной не захочешь иметь никаких дочерей, потому что они будут страдать так же, как их мать.

Например, говорит она, если муж бьет жену, он, вероятнее всего, будет бить и дочерей. И тогда-то женщина самозабвенно молится о том, чтобы все ее дети были сыновьями. В ее работе самое тяжелое – видеть, как женщина, страдающая от домашнего насилия, рождает очередную девочку. Она знает, что принесет дочку в дом, где царит насилие. Согласно опросам ООН и нескольких правозащитных организаций, 9 из 10 афганок сталкиваются с насилием^[56] в той или иной форме.

В соседних странах, например в Индии, где сыновей так же откровенно предпочитают дочерям, машины для проведения ультразвуковых исследований входят в число аппаратуры, наиболее востребованной врачами и пациентами. По словам Мары Хвистендаль^[57] из книги *«Неестественный отбор: мальчик лучше девочки», и последствия этого для мира, перенаселенного мужчинами*», не менее 160 млн плодов женского пола уже абортировано по всей Азии, что искажает демографическую картину будущих поколений и создает острые проблемы в обществах, где не хватает женщин.

Хотя и ультразвуковые исследования, и тайные аборт на поздних сроках доступны в Кабуле тем, кто может платить, большинству сельских округ Афганистана до этого далеко. Женщинам в этих областях приходится пока полагаться лишь на древние, «низкотехнологические» рецепты доктора Фарейбы в надежде принести в этот мир поменьше дочерей.

У каждого медработника тоже есть хотя бы один пример *волшебного* создания сына в их родных провинциях. Они подтверждают, что причиной создания *бача пош* вполне может быть задача зачать настоящего сына. Молодая акушерка из Вардака в ярко-оранжевом платке говорит, что ее двоюродную сестру одевали как мальчика девять лет, пока ее мать, наконец, не родила сына. Часто бывает, что дочь остается мальчиком лишь до тех пор, пока не рождается сын: тогда он заменит *бача пош*, став предметом родительской гордости.

Этот мистический способ гарантировать появление на свет сыновей перекликается с нью-эйджевской концепцией «силы позитивного мышления», столь эффективно применяемой спортсменами и менеджерами по продажам. *«Видь это, верь в это – и это случится»*. Афганская версия – это форма молитвы, которая не вписывается ни в одну из религиозных практик Афганистана, о существовании которых мне известно. Это просто волшебство, объясняют мне женщины. «Но ведь Бог все равно в этом как-то участвует?» – спрашиваю я, поскольку они ссылаются на божественное вмешательство.

Они переглядываются. Волшебство – это *волшебство*. И нет Бога, кроме Аллаха.

Воцаряется неуютное молчание. В последние несколько недель в стране шли демонстрации, основанные на упорных слухах о том, что работники иностранных гуманитарных миссий пытаются обращать мусульман в христианство.

Доктор Фарейба кивает мне: мол, «проехали». Пусть она до сего времени и соглашалась раскрыть кое-какие свои секреты, но религия – это тема, которую лучше не обсуждать с иностранкой.

Глава 7

Проказник

Мехран и Азита

– Руки вверх! Руки врозь! Наклон вперед! Волна! Плыдем! Большие круги! Еще! Теперь приветствие! Приветствие и почтение нашей родине!

В утренней гимнастике присутствуют одновременно оттенки системы Монтессори и военной муштры. Около сотни очень серьезных детишек стараются синхронно двигаться на недавно оттаявшей лужайке, где из сухой почвы проглядывают клочки травы.

Директрисе потребовалось около двадцати минут, чтобы выстроить свои войска и добиться от них стойки «смирно». Когда она называет чье-нибудь имя, в плотной толпе детей от 6 до 10 лет вверх взлетает ручонка и слышится громкое мальчишеское «бейл» – или более тихое девчоночье.

Мальчики, возглавляющие каждую извилистую линию, держат строй, и второклассница Мехран стоит рядом с одним из них в рубашке и галстук. После неуверенной гимнастики эти два приятеля принимают одинаковые позы – руки в карманах, бедра вперед, ноги широко расставлены, на лицах – скучающее выражение. Позади них выстраиваются мальчики в брюках и девочки в форменных платьях – но без головных платков. Обязательный цвет школьной формы – зеленый, и он представлен столькими же оттенками, сколько в школе учеников, поскольку каждая мать обшивает своего ребенка из той зеленой ткани, какая найдется на базаре. Брюки Мехран тесноваты в талии: передняя кнопка над молнией заменена неудобной английской булавкой. Из сандалий выглядывают пальцы босых ног, а в кармане прячется печенье, оставшееся от завтрака.

Учащиеся – в основном дети кабульского недавно сложившегося класса профессионалов. Многие из их родителей – люди образованные, они завозят детей сюда по дороге на работу в правительственных или международных организациях. Это частное учебное заведение предлагает обучение английскому и учителей, имеющих высшее образование. У некоторых есть даже ученые степени педагогических вузов.

Когда директриса вызывает добровольцев для исполнения песни соло перед всеми учениками, Мехран смотрит перед собой ничего не выражающим взглядом. Одна из девочек скромно выходит вперед, становится лицом к ученикам, склонив голову и сцепив перед собой руки. Мехран, не вынимая рук из карманов, наклоняется к приятелю и что-то шепчет, кивком указывая на стоящую перед ними девочку. Приятель расплывается в согласной ухмылке, и оба они хихикают, прежде чем их одернут, велев присоединиться к хору, поющему национальный гимн. За ним следует несколько стихов из Корана, после чего директриса дает детям один из своих ежедневных маленьких советов: «Чистите зубы, стригите ногти и никогда не лгите».

Старших учащихся распускают первыми, и их поток медленно вливается в двухэтажное каменное здание, поднимаясь по лестницам, на второй этаж, где пожилая уборщица поставила красное ведро и бурое прессованное мыло под плакатами с изображением русских истребителей и иранского пассажирского лайнера. Старуха ополаскивает каждому ребенку руки порцией воды из красного пластикового кувшина и отправляет их в класс. Учительница объявляет, что в честь иностранных гостей, присутствующих в школе в этот день, она начнет с урока английского – оказывается, это занятие проводится без учебников и полностью проходит на дари.

Мехран пришла сюда впервые – тогда еще в детский садик при школе – под именем Мануш, с хвостиками и в фисташковом платьице. Когда школа закрылась на каникулы, Мануш ушла и больше не вернулась. Вместо нее в первом классе с остальными детьми начал учиться

Мехран, с короткой стрижкой и в галстук. Все остальное мало изменилось. Некоторые учителя удивились, но не стали комментировать это превращение. Возмутился лишь один. Когда преподаватель-мужчина, учитель Корана, потребовал, чтобы Мехран в классе носила платок, проблему решила бейсбольная кепка. Остальные дети, похоже, не придают ситуации особого значения. Этому способствовала как высокая текучесть учащихся в школе, так и школьная политика совместного обучения – здесь мальчиков и девочек не разделяют ни во время уроков, ни на молитве.

Мисс Моманд, которая начала работать учительницей уже после превращения Мехран, вспоминает, как она поразилась, когда в девичью спальню на послеобеденный сон привели мальчика. Когда она помогала Мехран раздеться, стало ясно, что это девочка. Мисс Моманд была настолько растеряна, что позвонила Азите, чтобы спросить, почему она прислала в школу ребенка в таком виде. Азита просто объяснила, что у нее есть только дочери и что Мехран выдают за сына в семье. Больше мисс Моманд не потребовалось ничего говорить: она все прекрасно поняла. Когда-то у нее самой была в школе подруга, единственный ребенок в семье, которая взяла на себя роль сына.

Учительнице кажется, что Мехран хорошо приспособилась к своей новой роли. Пожалуй, даже чересчур хорошо. Она не упускает ни одной возможности сказать окружающим, что она – мальчик. Она отказывается заниматься такими делами, как вышивание или игра в куклы, предпочитая им езду на велосипеде, футбол и бег. По словам мисс Моманд, Мехран стала мальчиком полностью, и ее внешность и поведение неотличимы от внешности и поведения любого другого мальчишки. **Все учителя ей подыгрывают и помогают хранить тайну, позволяя ей переодеваться в отдельной комнате, когда это необходимо.**

– Значит, все это для вас нормально? Даже привычно? – спрашиваю я мисс Моманд.

– Не совсем. Но проблемы не представляет.

Правила недвусмысленны: платья – для девочек, брюки – для мальчиков. В школе нет других одетых в «чужую» одежду детей. Но нечего школе вмешиваться в семейные дела, объясняет она. На каком бы поле родители ни остановили свой выбор, школе следует помогать его поддерживать. Даже когда это ложь. У школы есть другие поводы для беспокойства: например, решить, сколько вооруженных охранников требуется для охраны центрального входа. Учительница выражает солидарность с Азитой:

– Мать Мехран – член парламента. Она хорошая женщина. Мы делаем то, что должно.

– «Мы» – женщины – или «мы» – афганки?

– И то, и другое.

Что касается академических навыков, Мехран, по словам ее учительницы, «умна, но несколько ленива». Она с готовностью улыбается – и с такой же готовностью напускает на себя разгневанный, раздраженный вид, если ее не понимают сразу или не соглашаются с ней. Через несколько лет после того, как Мануш осталась позади, личность Мехран стала ярче. На переменах она живо участвует в мальчишеских футбольных матчах и прочих уличных играх, всегда оказываясь в самой гуще действия.

И в то время как другие ученики стараются держаться друзей одного с ними возраста, Мехран энергично пытается привлечь внимание мальчиков постарше, часто пытаясь произвести на них впечатление и зацепить несносным поведением. Она вопит, трогает, толкает стоящих рядом с ней. По большей части эти попытки игнорируют, но временами приходится разнимать ее стычки со старшими мальчишками. По словам учителей, Мехран прекрасно осознает, что она – девочка. Но вновь прибывшим всегда представляется как мальчик. Поскольку Мехран несколько лет была девочкой до того, как ее превратили в мальчика, вряд ли у нее есть поводы для путаницы.

Зигмунд Фрейд утверждал, что дети не осознают генитальных различий вплоть до 4–5-летнего возраста. Зато понимание половой идентичности у детей начинается гораздо раньше –

это доказали в 1980-е годы Элеонора Галенсон^[58] и Герман Ройфе: ребенок может осознавать свой врожденный пол уже в возрасте 15 месяцев.

Однако в Афганистане существует особая заинтересованность в том, чтобы держать детей в неведении или по крайней мере подпускать тумана в вопросе генитальных различий. Анатомические детали многие родители не объясняют детям намеренно, чтобы сохранить своих отпрысков – и в особенности маленьких девочек – «в чистоте» как можно дольше, пока они не вступят в брак.

Это похоже на одну историю, которую мне однажды рассказала моя мать. Она росла в 1950-е годы, в более консервативной тогда Швеции, и лет в десять как-то раз объявила своей матери, что, когда вырастет, намерена стать мужчиной. У нее была только одна сестра и имелось очень смутное представление о различиях между мужчинами и женщинами, поскольку она никогда не видела ни своего отца, ни других мужчин без одежды. Бабушка посмеялась в ответ на демарш дочери и назвала ее дурочкой, но не дала никаких объяснений, почему этот план невозможно привести в исполнение.

В школе Мехран детям тоже не положено видеть представителей противоположного пола обнаженными; это категорически запрещено. Директор сказала мне, что она уверена: на данном этапе для большинства учащихся различие между мальчиками и девочками представляется чисто внешним: брюки или юбка.

Да – и еще знание о том, что **те, кто носит брюки, всегда и во всем бывают первыми.**

7 февраля 1999 г. Азита поняла, что обманула общие ожидания, но была слишком истощена, чтобы разговаривать или вообще хоть как-то реагировать. Она только что родила – дважды подряд. Роды проходили в маленьком, заледеневшем домике свекрови, где единственным утеплением служило сено, вмазанное в глинобитные стены. Первая из близнецов родилась спустя почти три дня и три ночи схваток, на месяц раньше срока. Девочка весила всего около 1200 г, и дыхание ее было поверхностным. Спустя десять минут ее личико посинело, и когда появилась на свет ее сестра, первая малышка почти не подавала признаков жизни. Вторая девочка тоже была без сознания.

Женщины, которые помогали Азите при родах, не обмыли младенцев. Они лишь вручили их ей, замотанных в тряпки, – для них было очевидно, что дети не выживут.

Когда свекровь заплакала, Азита знала, что эти слезы – не от страха, что ее внушки могут не выжить. **Старуха была разочарована. «Зачем, – кричала она, по словам Азиты, – зачем нам еще девчонки в семье? Что я скажу соседям? И остальным деревенским?»**

Азита не чувствовала ничего. Год назад она переступила порог своего убогого нового дома уже как собственность бедной крестьянской семьи, неся с собой лишь одну вещь, представляющую ценность, – свою утробу. У ее мужа уже имелась одна жена, чья утроба была той самой причиной, по которой Азиту приобрели в качестве жены номер два. Первая жена родила дочь, а ее второй ребенок – сын – умер. После этого у нее были только выкидыши. Именно это побудило свекровь искать вторую, молодую и здоровую, жену для сына. Вместе с Азитой в дом вошло обещание лучшего будущего для семьи, живущей в маленькой крестьянской деревушке, угнездившейся на склоне горы и еще более изолированной от внешнего мира, чем столица провинции Бадгис, Калайи Нау. В то время до деревни можно было добраться только верхом на осле или пешком.

Домохозяйством из десяти человек, в которое входили два мужа-брата, три их жены и все дети, заправляла свекровь Азиты. Она распоряжалась жизнью жен своих сыновей вплоть до мельчайших деталей. Свекровь решала, как будут распределяться между ними домашние обязанности; что они будут есть и когда; кто будет говорить и о чем пойдет разговор. У нее же

хранились ключи от продуктовой кладовой. Подчинение ее правилам означало разницу между сытостью и голодом.

С момента приезда Азите было назначено несколько видов обязанностей. Она вскоре выучилась управлять с коровами (их было четыре: одна дойная и три для полевых работ), десятью овцами и выводком кур. Привыкшая к роли старшей сестры и личности, которая росла в совершенно иных условиях, она вскоре начала высказывать свои мнения и идеи по поводу того, как и что происходило в семье. Азита предлагала мыть руки перед едой, стричь ногти и помогать друг другу с детьми. Она выступала за то, чтобы все они объединили усилия и стали приносить в дом намного больше воды, чтобы бороться с антисанитарией и болезнями. Она предлагала женщинам и мужчинам семейства садиться за стол вместе – радикальная мысль для местных порядков, строго разделявших мужчин и женщин все время – кроме ночи, когда мужу полагалось спать с одной из своих жен. Когда семья больше контактирует – это хорошо, говорила Азита, ведь именно так ее воспитывали.

Ни одна из ее идей не была встречена благосклонно.

Особенной провокацией явилось множество платьев, которые Азита привезла с собой из родительского дома. У каждой женщины в деревенском хозяйстве было только два платья: одно – предназначенное для особых случаев, например свадеб, которое не принято было носить в иное время, и другое, повседневное, полагалось носить десять дней подряд, не стирая, поскольку запасы воды в деревне были крайне скудны. Азите было сказано, что если она хочет чаще надевать чистую одежду, то пусть сама носит себе воду из дальнего колодца.

Кроме того, Азита протестовала против системы, которую применяла свекровь, чтобы держать своих невесток в подчинении: любой намек на нарушение субординации карался ударами палки, на которую старуха опиралась при ходьбе. Первой жене доставалось больше всего, поскольку она чаще других допускала ошибки. Это расстраивало Азиту, и она выступала против такого произвола.

Конфликт постепенно дорос до крика, и, наконец, **однажды Азита сделала шаг вперед, прикрыв собой первую жену своего мужа, выдернула из свекровиных рук палку и переломила ее пополам**. В ярости она пригрозила свекрови: «Я отвечу тебе ударом на удар. Я Талибана не боюсь, а уж тебя-то и вовсе не стану бояться».

Ислам не одобряет избиение жен, добавила она. Женщины тоже не должны бить других женщин. Старуха уставилась на своих невесток, молча кипя гневом, а потом развернулась и ушла, оставив их вдвоем. Но давняя повелительница женщин семьи не собиралась слагать с себя полномочия. От женщин в семье не просто ждали безмолвного повиновения – оно было нормой и обязательным требованием, если они хотели спокойно жить. Когда Азита осмелилась заступиться за неграмотную и робкую первую жену своего мужа, возникла опасность, что ситуация выйдет из-под контроля, поэтому свекровь пожаловалась своим сыновьям, которые согласились с ней, что так этого оставить нельзя. Поскольку Азита – городская, пришли они к выводу, все зло, которого она набралась в городе, необходимо выкорчевать. Еще есть время, чтобы переделать новоприбывшую в нормальную жену и избавить ее от любых завиральных идей, которые могло посеять в ней декадентское кабульское воспитание.

Их следовало из нее выбить.

Первый удар явился для Азиты неожиданностью. Она никогда не видела, чтобы отец бил мать, да и сама в детстве редко получала шлепки. Теперь же ее муж пользовался деревянной палкой или металлической проволокой, когда та оказывалась под рукой, для регулярных упреждающих побоев без всякой конкретной причины – просто чтобы гарантировать, что никаких споров с его матерью больше не будет. Иногда ему хватало для этой цели просто собственных кулаков.

– По телу. По лицу. Я пыталась остановить его. Я просила его остановиться. А иногда и не просила.

– А в сексуальном плане?

Она умолкает.

– **В Афганистане не называют изнасилованием, если муж берет тебя силой, – говорит Азита.** – Люди посчитали бы душой ту, которая стала бы это так называть.

Тело женщины всегда доступно для ее мужа, и не только в целях продолжения рода, но и ради удовольствия, поскольку мужская сексуальность рассматривается как вещь хорошая и необходимая. Если жена не подчиняется требованиям, муж может расстроиться и обратить свои взоры к другим женщинам, а это подвергнет опасности фундамент семьи, а с ней и общества в целом. Преимущественно христианские государства до совсем недавнего времени тоже не признавали насилие в браке^[59] противозаконным деянием, поскольку одной из изначальных целей брака была легализация секса. В Соединенных Штатах супружеское изнасилование было признано преступлением во всех штатах только в 1993 г.; в Соединенном Королевстве это случилось в 1991 г.

В начале своего замужества, уже после того как начались эти избиения, Азита, к всеобщему облегчению, забеременела. И тем самым сделала первый шаг к осуществлению своего предназначения. Рассчитывая на сына, родственники мужа, когда ее фигура начала округляться, оставили ее в покое. «Поглядите на нее – такая толстая и здоровая. Наверняка родит сына», – говорили они.

Азита была благодарна за это подобие покоя. Она тоже молилась о сыне.

Рождение девочек-близнецов было не просто разочарованием: Азита сделала это будто бы в насмешку. У деверя Азиты тоже рождались одни девочки; над семьей словно тяготело проклятие. Единственным утешением было то, что родившиеся до срока близнецы, возможно, долго не проживут.

Даже Азита не испытывала поначалу особой любви к дочерям. Бороться за жизнь новорожденных ее заставило совсем другое чувство. Врач, приехавшая из города спустя несколько дней, осмотрев близнецов, не поздравила ее: у них по-прежнему мало шансов выжить, решила она. Врач повернулась к Азите и просто сказала: «Мне жаль».

Азита выслушала прогноз врача, но, хоть и не могла кормить грудью, все равно выпрашивала у свекрови молоко, которое давала одна из коров. После того как Азита предложила заплатить за молоко, которое, как ворчала свекровь, лучше было бы продать с выгодой, она смогла кормить своих двух дочерей с ложечки. Их состояние медленно улучшалось. Через два месяца они начали понемногу улыбаться, и тогда Азита почувствовала, как в ее сердце рождается любовь к ним. Дети стали для нее смыслом жизни в те первые годы брака.

Когда младший брат Азиты приехал навестить ее от имени родителей, она старалась бодриться и уверяла его, что все не так плохо. Она надеялась, что он привезет родителям хорошие новости, чтобы они не сочли ее трусихой, пасующей перед трудностями. Только когда в гости приехал ее отец, Муртаза, эта личина дала трещину. Азита сказала ему, что ей ненавистна ее жизнь. Когда он никак на это не отреагировал, в ней вспыхнула ярость, какую она прежде никогда не решалась демонстрировать по отношению к отцу. Когда он шагнул за дверь, собираясь уезжать, она побежала за ним и закричала с порога: «Спасибо тебе, вот уж спасибо большое! Из-за тебя я каждый день мучаюсь. Ты велел мне получить образование. Я это сделала, а теперь со мной обращаются хуже, чем с ослицей или коровой. Это ты все это сделал!»

Муртаза молча посмотрел на нее. А потом сказал: «Да, я сделал это с тобой. Мне очень жаль!»

И это был единственный раз, когда она увидела отца плачущим.

В сегодняшнем Кабуле, когда Мехран ближе к вечеру возвращается домой из школы, на кухонном столе уже выставлено для нее особое угощение: два апельсина на тарелке и маленький ножик, чтобы их очистить. Она яростно набрасывается на апельсины, а потом, с липкими ладошками, забирается к матери на колени. Ее цель – убедить Азиту выпустить из рук ноутбук, чтобы сестры могли посмотреть какой-нибудь фильм. Сестры улыбаются и ограничиваются мягкими просьбами, а Мехран громогласна и настойчива. Ее правое ухо щеголяет большим пластырем после неудачной попытки проколоть его иглой; на эту выходку ее вдохновил герой болливудских⁴ боевиков Салман Кхан, который носит только одну серьгу.

– Сейчас она – самый настоящий мальчишка, – бормочет Азита, пытаясь утихомирить Мехран, пока разговаривает по телефону. – На днях я пришла домой, и он пытался разобрать на части мой компьютер. Сказал, что ищет внутри игры. – Она смеется. – Мехран не такой, как наши девочки. Он – мой проказник.

Азита ласково поглаживает руку дочери, переключаясь с одного телефона на другой и так же легко курсируя между тремя языками. «Я попробую, – говорит она одному себе-седнику. – Я позвоню директору и обсужу это с ним». Ребенка одного из коллег исключили из школы, и он просит Азиту «подергать за веревочки». Есть вещи, которых она не станет делать: например, предлагать молодых незамужних девушек в жены законодателям или их сыновьям. Азита никогда напрямую не говорит «нет», но и не жалеет времени, чтобы объяснить просителю, что она, возможно, не вполне годится для помощи в некоторых вопросах.

Дочери Азиты проводят этот день так же, как и большинство других девочек, – в рассеянной скуке среди желтых стен квартиры, смотря индийские телеканалы или своих любимых «Ханну Монтану» и «Гарри Поттера» на DVD. Громкость телевизора, равно как и тон их препирательств, будет нарастать с каждым медленно тянувшимся часом. Мехран нужно сделать домашнее задание, и девочкам сказано, что, пока она не покончит с уроками, на улицу никто не пойдет. Когда близнецы находят под письменным столом Азиты «пиратский» таджикский диск с поп-музыкой и пускаются в пляс, Азиту охватывает беспокойство. Их могут услышать соседи, и нельзя, чтобы семью парламентария заподозрили в слушании подобной музыки.

Азита обожает танцевать, но делает это нечасто. Танец для женщины попадает в ту же категорию, что и поэзия, – приравнивается к мечтательности, которая может породить мысли о таких запретных темах, как любовь и желание. **Любая женщина, читающая, пишущая или цитирующая поэзию, – это женщина, которая, возможно, лелеет странные представления о любви и романтике и, таким образом, является потенциальной шлюхой.** Когда Азита однажды опубликовала на своей страничке в Фейсбуке стихотворение, в ответ сразу же посыпались комментарии, в которых ее называли негодницей.

Хотя солнце уже начинает садиться, Азита решает позволить девочкам часок поиграть на улице – при условии, что они не будут исчезать из ее поля зрения. Девочки в спешке едва ли не спотыкаются друг о друга, натягивая сандалии, и с топотом скатываются вниз по лестнице в маленький дворик. Соседская компания в лице двух мальчишек и стайки детишек помладше уже там. Все дети – в одежках ярких цветов, украшенных персонажами мультфильмов. Ни одной девочки возраста Бенафши и Бехешты во дворе нет.

⁴ То есть индийских. Болливудом называют комплекс киностудий в Индии, городе Мумбай. Название «Болливуд» появилось в 1970-х годах и было образовано из двух слов: «Бомбей» (старое название города Мумбай) и «Голливуд».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Только бы не афганкой...» Впервые опубликовано американской некоммерческой организацией Afghan Women's Writing Project (awwproject.org) в 2010 г. AWWP (Писательский проект афганских женщин) был основан американской журналисткой и писательницей Машей Хэмилтон. Эта организация служит платформой для молодых женщин-писателей из Афганистана и проводит литературные тренинги.

2.

«... начнется вывод американских войск...» В документе Remarks by the President in Address to the Nation on the Way Forward in Afghanistan and Pakistan от 1 декабря 2009 г., опубликованном на сайте whitehouse.gov, президент США Барак Обама говорил о своей политике по выводу американских солдат из Афганистана после наступления: «И как главнокомандующий я решил, что в наших жизненно важных национальных интересах послать дополнительные 30 000 войск США в Афганистан. Спустя 18 месяцев наши войска начнут возвращаться домой».

3.

«Избранная в Волеси Джирга...» Более подробную информацию о Волеси Джирга см. в книге Martine van Bijlert and Sari Kouvo, eds., *Snapshots of an Intervention, The Unlearned Lessons of Afghanistan's Decade of Assistance (2001–2011)* (Kabul: Afghanistan Analysts Network [AAN], 2012).

4.

«... в большинстве своем состоял из нарковоротил и милитаристов...» См. статью Declan Walsh, «Warlords and Women Take Seats in Afghan Parliament», *The Guardian*, December 18, 2005, theguardian.com.

5.

«... больше девочек ходит в школу...» Подразделение Всемирного банка для помощи беднейшим странам, Ассоциация международного развития (worldbank.org), приводит следующие цифры: «Количество учащихся 1–12-х классов школы возросло с 3,9 млн в 2004 г. до 6,2 млн в 2008 г. Количество учащихся девочек резко возросло с 839 тыс. до более чем 2,2 млн, а мальчиков – с 2,6 до 3,9 млн. Это самые высокие цифры за всю историю Афганистана».

6.

«Большинство браков по-прежнему заключается без согласия...» UNIFEM Afghanistan Mission, «UNIFEM Afghanistan Fact Sheet 2007», unifem.org. Этот документ констатирует: «70–80 % женщин в Афганистане сталкиваются с принудительным браком».

7.

«...«убийство чести» – не такая уж редкость...» Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan Kabul, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Geneva, *Harmful Traditional Practices and Implementation of the Law on Elimination of Violence against Women in Afghanistan*, December 9, 2010, unama.unmissions.org. Этот отчет упоминает одну из нескольких вредоносных традиционных практик: «Так называемые «убийства чести» признают право мужчины убить женщину безнаказанно по причине вреда, который ее безнравственные поступки нанесли семейной чести. Это убийство члена семьи

одним или несколькими родственниками, которые полагают, что жертва навлекла на семью позор».

8.

«... соприкосновение с системой правосудия в случае изнасилования...» Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan Kabul, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Geneva, *Silence Is Violence: End the Abuse of Women in Afghanistan*, Kabul, July 8, 2009. В этом отчете говорится о высоком уровне изнасилований в Афганистане, равно как и о том, почему жертвы неохотно сообщают о них или ищут компенсации. В частности, отчет отмечает: «Позору предадут жертв изнасилования, а не насильников. Жертвы часто подвергаются судебному преследованию за преступление зина (адюльтер), им отказывают в доступе к правосудию».

9.

«... женщины устраивают самосожжения...» Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan Kabul, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Geneva, *Harmful Traditional Practices and Implementation of the Law on Elimination of Violence against Women in Afghanistan*, December 9, 2010, unama.unmissions.org. «Среди самых трагичных последствий вредоносных традиционных практик – самосожжение... очевидно растущая тенденция в некоторых частях Афганистана».

10.

«... дочери по-прежнему остаются принятой неформальной валютой...» Human Rights, United Nations Assistance Mission in Afghanistan Kabul, Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Geneva, *Silence Is Violence: End the Abuse of Women in Afghanistan*, Kabul, July 8, 2009. В отчете говорится: «Денежная компенсация, или баад, часто тоже является частью решения, которое рассматривается как приемлемое для обеих сторон».

11.

«... уровень грамотности составляет не более 10 %...» Там же: «Уровень грамотности во взрослом возрасте среди афганцев старше 15 лет составляет 28 %, включая 12,6 % женщин. В сельских областях, где обитают 74 % афганцев, по приблизительным оценкам, 90 % женщин не умеет читать и писать».

12.

«... как следует улучшать жизнь афганок...» Информацию о помощи Европейской комиссии Афганистану и о включении «гендера» в ее программы см. в документе European Commission, *Country Strategy Paper Islamic Republic of Afghanistan 2007–2013*, eeas.europa.eu.

13.

«Прославившись публикацией нескольких путеводителей...» См.: Nancy Hatch Duprée, *An Historical Guide to Afghanistan* (Kabul: Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977).

14.

«... со времен последнего монарха, изгнанного в 1973 г.» Последний король Афганистана правил 40 лет, прежде чем был низложен. См.: Barry Bearak, «Mohammad Zahir Shah, Last Afghan King, Dies at 92», *New York Times*, July 24, 2007, nytimes.com.

15.

«... стоят на страже гарема Хабибуллы-хана...» Хабибулла-хан правил Афганистаном с 1901 по 1919 г. См.: Encyclopaedia Britannica Online, www.britannica.com.

16.

«... обычные афганцы оказались изгнаны...» Zarif Nazar and Farangis Najibullah, «Kabul Housing Shortage Leaves the Middle Class Behind», Radio Free Europe, January 31, 2011, rferl.org.

17.

«... цифры... варьируют от 23 до 29 миллионов...» Andrew Pinney, *Snapshots of an Intervention, The Unlearned Lessons of Afghanistan's Decade of Assistance (2001–2011)* (Kabul: Afghanistan Analysts Network [AAN], 2012).

18.

«... для неграмотного человека обычное дело – знать наизусть...» См.: Louis Duprée, *Afghanistan* (New York: Oxford University Press, 1973, sixth impression, 2010), pp. 74–75, где автор пишет, что Афганистан «имеет грамотную культуру, но неграмотное общество». Книга Дюпре, написанная до советского вторжения, по-прежнему остается одним из самых всеобъемлющих источников об Афганистане, поскольку Луи Дюпре всю свою жизнь исследовал эту страну. Фонд Луи и Нэнси Хэтч-Дюпре в Кабульском университете занимается помощью в сохранении культурного наследия народа Афганистана и поддерживает связанные с этой темой образовательные программы (dupreefoundation.org).

19.

«Талибан больше не правит...» The Revolutionary Association of the Women of Afghanistan, «Some of the Restrictions Imposed by Taliban on Women in Afghanistan», rawa.org/rules.htm (31 января 2014 г.): «18. Запрет на ношение женщинами одежды ярких цветов. По выражению Талибана, это «сексуально привлекательные цвета».

20.

«Афганские полицейские входят в число самых популярных мишеней...» См. Jon Boone, «Afghan Police Hit by High Death Rate and 'Quick Fix' Training, Says EU», *The Guardian*, October 1, 2009, theguardian.com; и Susan G. Chesser, «Afghanistan Casualties: Military Forces and Civilians», Congressional Research Service, December 6, 2012, fas.org. Статистические данные из этого отчета констатируют, что в 2008 г. в результате нападений на воинов национальной армии Афганистана 259 человек были убиты, 875 ранены; в рядах национальной, местной и пограничной полиции Афганистана потери в 2008 г. составили 724 убитыми и 1209 ранеными.

21.

«... убежденность в мученичестве и перспектива ожидающих в раю девственниц...» Ibn Warraq, «Virgins? What Virgins?» *The Guardian*, January 11, 2002, theguardian.com.

22.

«Афганистан – крупнейший в мире производитель опиума». 74 % глобального нелегального производства опиума в 2012 г. относилось на счет Афганистана, и в 2013 г. выращивание опиумного мака в Афганистане достигло рекордно высоких показателей. См.: United Nations Office on Drugs and Crime, UNODC, *World Drug Report 2013*, unodc.org; и United Nations Office

on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan, Ministry of Counter Narcotics, Afghanistan Opium Survey 2013 Summary Findings, November 2013, unodc.org.

23.

«...„Саурской революции“, когда коммунистическая народно-демократическая партия...» Саурская революция свершилась 27 апреля 1978 г. см.: «Afghanistan: 20 Years of Bloodshed», BBC News, April 26, 1998, news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/83854.stm.

24.

«При идеологической и финансовой поддержке Москвы...» Orzala Ashraf Nemat, *Afghan Women at the Crossroads: Agents of Peace – Or Its Victims?* The Century Foundation, 2011. Немат пишет: «Все обширные реформы режима PDPA (Народно-демократической партии Афганистана) напрямую поддерживались Советским Союзом при помощи советских советников, в результате большинство афганского населения рассматривали правительство в Кабуле скорее как агента чуждой внешней державы, чем как внутреннее исконное движение».

25.

«... заменить религиозное законодательство более светской системой...» Подробнее о происхождении Народно-демократической партии Афганистана (PDPA), о ее связях с Москвой, о ее целях секуляризации и реформирования, которые многие стали считать «неисламскими», см.: Asta Olesen, *Islam and Politics in Afghanistan* (Nordic Institute of Asian Studies) (Kindle Locations 8046–49), Taylor and Francis, Kindle Edition.

26.

«Аманулла-хан пытался утвердить права женщин...» Valentine M. Hoghadam, «Revolution, Religion and Gender Politics: Iran and Afghanistan Compared», *Journal of Women's History* (Johns Hopkins University Press) 10, no. 4 (Winter 1999). Хогадам пишет: «Король был принужден к отречению в результате племенного восстания против образования для женщин, ограничения многоженства и запрета на выкуп невест».

27.

«... Сорайей, которая... сбросила вуаль на публике...» См. книгу Sunita Mehta and Homaira Mamoor, ed. Sunita Mehta, *Women for Afghan Women* (New York: Palgrave Macmillan, 2002), где авторы отмечают, что «уже в 1921 г. король Аманулла-хан отменил обязательное ношение бурки, а его жена, королева Сорайя, появлялась на публике неприкрытой и носила юбки, которые обнажали ее ноги».

28.

«... равные права в конституции 1964 г. ...» См. работы Arline Lederman, «The Zan of Afghanistan – A 35-Year Perspective on Women in Afghanistan», in Mehta and Mamoor, ed. by Sunita Mehta, *Women for Afghan Women*, в которой Ледерман упоминает роль женщин в составлении чернового варианта конституции Афганистана 1964 г.

29.

«... получали обязательное образование...» Хума Ахмед-Гош пишет о многих программах социальных и экономических реформ в период правления PDPA и о том, что племенные вожди «рассматривали обязательное образование, особенно для женщин, как идущее против сути традиции, антирелигиозное и бросающее вызов власти мужчин» в работе «A History of Women

in Afghanistan: Lessons Learnt for the Future or Yesterdays and Tomorrow: Women in Afghanistan», *Journal of International Women's Studies* 4, no. 3 (May 2003).

30.

«Торопливые попытки реформирования общества и культуры...» См.: Houghadam, «Revolution, Religion and Gender Politics». Автор объясняет одно из наиболее спорных постановлений правительства – постановление № 7, которое «фундаментально изменило бы институт брака и положение женщин». В этом постановлении «правительство объявляло вне закона традиционные культурные практики, широко почитавшиеся «исламскими». Таким образом, РДРА положила конец выкупу невест, запретила принудительные браки и практику левирата (женитьбы на вдове покойного брата), браки путем уловок или принуждения. В то время как обычно девушек выдавали замуж сразу же по достижении половой зрелости, новое правительство установило минимальный брачный возраст в 16 лет для женщин и 18 лет – для мужчин».

31.

«... величайшую угрозу миру со времен Второй мировой войны...» Высказывание президента США Картера упоминается в работе Elizabeth Gould and Paul Fitzgerald, «Excerpts from The Apostle's Diary», in Mehta and Mamoor, ed. By Sunita Mehta, *Women for Afghan Women*. Авторы рассказывают предысторию общности целей, которые были у администрации США (боровшейся с «безбожным коммунизмом») и исламских фундаменталистов Афганистана в борьбе против Советского Союза, поскольку у них была общая «ментальность крестоносцев».

32.

«Весной 1992 г. в Кабуле разразилась... война». Режим президента Мухаммеда Наджибуллы пал в апреле 1992 г., и моджахеды вошли в Кабул. См.: Alfred Aghajanian, ed. by Peter R. Blood, *Afghanistan: Past and Present/Comprised of Afghanistan, A Country Study and Country Profile: Afghanistan, A Report by the U. S. Government's Federal Research Division, September 2007*.

33.

«... как и большинство других детей в Кабуле...» Ахмед Рашид упоминает об ужасах, которых насмотрелись кабульские дети в то время, в работе Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia, 2nd ed. (New Haven: Yale University Press, 2010). Автор пишет: «Опрос кабульских детей под эгидой ЮНИСЕФ, проведенный Лейлой Гуптой, выяснил, что большинство детей были свидетелями крайних проявлений насилия и не рассчитывали выжить сами. Две трети опрошенных детей видели гибель людей от взрывов ракет и разбросанные мертвые тела или части тел. Более 70 % потеряли кого-то из членов семьи и перестали доверять взрослым» (С. 109).

34.

«... ООН называет худшим местом в мире из всех, где можно родиться...» Stephanie Nebehay, «Afghanistan Is World's Worst Place to Be Born: U.N.», Reuters, November 20, 2009, reuters.com. Небехэй сообщает, что «Афганистан имеет самый высокий уровень младенческой смертности в мире... 257 смертей на 1000 детей, рожденных живыми, и 70 % населения не имеют доступа к чистой воде».

35.

«И самым опасным местом для тех, кто родился женщиной...» См. работу Lisa Anderson, «Afghanistan Is Most Dangerous Country for Women», Thomson Reuters Foundation,

2011, trust.org, где в качестве трех ведущих причин перечислены «насилие, неразвитое здравоохранение и жестокая нищета».

36.

«... ежегодно 18 тысяч афганок умирают...» Эта статистика доступна на сайте Фонда населения ООН (UNFPA), «The State of the World's Midwifery 2011», unfpa.org.

37.

«... в одном ряду с беднейшими и самыми измученными войной африканскими государствами...» См. UNFPA, «Trends in Maternal Mortality 1990–2010», unfpa.org.

38.

«Средняя продолжительность жизни женщины здесь равна 44 годам...» Согласно данным Всемирной продовольственной программы, Country Overview of Afghanistan, wfp.org/countries/afghanistan/overview (31 января 2014 г.), «хотя средняя продолжительность жизни незначительно увеличилась до 44–45 лет – для мужчин и 44 лет для женщин, многие показатели здоровья в этой стране вызывают тревогу». Однако «Всемирная книга фактов», составляемая ЦРУ США, оценивает среднюю продолжительность жизни в Афганистане на 2014 г. в 50,5 года для населения Афганистана в целом, причем для мужчин – 48,2 года, а для женщин – 51,9 года.

39.

«... Герда Лернер в 1980-х занялась изучением женской истории...» Историк Герда Лернер (1920–2013) обнаружила, что в существующих исторических летописях вопиюще отсутствует половина населения – женская половина. Исторические книги век за веком пересказывали в основном историю мужчин. Лернер поставила себе задачу собирать и анализировать существующие исследования по древним цивилизациям, чтобы понять, каким образом с самого начала человечество организовывало свои общества. В книге «Сотворение патриархата» (The Creation of Patriarchy; New York: Oxford University Press, 1986) она объясняет, что патриархат не является «естественным» устройством или «Божьей» данностью, а лишь «историческим творением, сформированным мужчинами и женщинами в процессе, которому потребовалось для завершения почти 2500 лет» (С. 212), он и по сей день обеспечивает контекст для многих явлений в Афганистане.

40.

«... одной из самых отсталых и неразвитых афганских провинций...» Бадгис занимает 31-е место в списке 32 наименее развитых провинций Афганистана; эта провинция на 61 % беднее самых неразвитых стран мира. См.: UNICEF, Best Estimates Provincial Fact Sheet, unicef.org (31 января 2014 г.).

41.

«В Бадгисе доминируют таджикские племена, есть и пуштунское меньшинство...» The Naval Postgraduate School's Program for Culture and Conflict Studies fact sheet for Badghis province, nps.edu (31 января 2014 г.): «Провинция населена таджиками, которые, как полагают, составляют 62 % населения, а пуштуны – приблизительно 28 %».

42.

«... Ахмед Рашид описывает тех, кто сражался...» См.: Ahmed Rashid, «A Vanished Gender», in *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*, 2nd ed. (New Haven and London: Yale University Press, 2010), pp. 105–116.

43.

«... войсковой группировкой численностью в 130 000 человек из 48 стран...» 90 тыс. из этих 130 тыс. войск ISAF составляли американцы. См.: International Security Assistance Force (ISAF): «Key Facts and Figures», November 15, 2010, isaf.nato.int.

44.

«... стандартной тактики «построения государства»...» В своей главе «Провал авиадесантной демократии» (*The Failure of Airborne Democracy*) в книге ван Бийлерта и Коуво «Зарисовки одного вмешательства» (*Snapshots of an Intervention*) аналитик по Афганистану Томас Руттиг пишет, что состоявшаяся в 2001 г. в Бонне конференция «уже имела значительный дефицит демократии», поскольку Талибан был исключен из числа приглашенных в пользу местных милитаристов и группировок, спонсируемых Пакистаном и Ираном. В результате, пишет он, «милитаристам... было позволено взять верх не только в «новых» демократических институтах, но и буквально во всем прочем, что имело значение для страны. Сегодня они составляют внутренний круг советников сверхцентрализованной президентской системы, и в силу их религиозной самолегитимизации им трудно бросить политический вызов. Они просто поставили себя над законом».

45.

«... в качестве еще одного обоснования войны...» 17 ноября 2001 г. первая леди США, Лора Буш, прочла еженедельное радиообращение президента, расшифровку которого можно найти на сайте presidency.ucsb.edu. Она сказала: «Благодаря нашим недавним военным победам на значительной части территории Афганистана женщины перестали быть пленницами в своих домах... Борьба против терроризма – это также борьба за права и достоинство женщин».

46.

«... после нескольких лет, на протяжении которых они не могли выглянуть даже в окно...» Многие ограничения Талибана, касавшиеся женщин, в том числе и обязательное закрашивание всех окон в домах, перечислены в работе «Some of the Restrictions Imposed by Taliban on Women in Afghanistan», Revolutionary Association of the Women of Afghanistan, на сайте rawa.org/rules.htm.

47.

«... занимая обязательный 25-процентный минимум мест...» Статья 83 (6) конституции Афганистана от января 2004 г. утверждает, что от каждой провинции должны быть избраны две женщины-делегата; см. servat.unibe.ch. Закон о выборах в Афганистане от 2005 г. более подробно предписывает, как эту квоту следует отбирать в соответствующей провинции; см. ecoi.net/file_upload/1504_1215701180_electoral-law.pdf.

48.

«... точно так же, как Коран...» Считается, что Коран содержит слово Аллаха, непосредственно высказанное пророку Мухаммеду и впоследствии записанное писцами. Переводы на другие языки с оригинала могут варьировать и временами оспариваются. В англоязычной версии ирано-американской переводчицы Лалех Бахтияр, *The Sublime Quran* (Kazi Publications, 2007), выложенной на сайте sublimequran.org и поддерживаемой Исламским обществом Северной

Америки, несколько стихов утверждают равное положение мужчин и женщин. Например, см. стихи 3:195 («каждый из вас происходит от другого») и 33:35 (где говорится о том, что Всевышний требует одного и того же и от мужчин, и от женщин). Что касается стиха 4:34, его оригинальный текст, который часто переводится в других версиях в том смысле, что мужчины «защищают» женщин, и, как следствие, интерпретируется таким образом, что мужчины должны иметь над женщинами некую власть в принятии решений, Лалех Бахтияр переводит как «мужчины поддерживают» женщин.

49.

«... что мужчины и женщины равны...» В Конституции Афганистана, ратифицированной 26 января 2004 г., в главе второй, «Основные права и обязанности граждан», статье 22, сказано: «Любой вид дискриминации и различий между гражданами Афганистана должен быть запрещен. Граждане Афганистана, мужчины и женщины, имеют равные права и обязанности перед законом».

50.

«... не выступают общим фронтом...» Орзала Ашраф Немат в своей книге «Афганские женщины на распутье. Деятели мира – или его жертвы?» (Afghan Women at the Crossroads: Agents of Peace – or Its Victims? The Century Foundation, 2011) пишет о реальности роли женщин – членов парламента: «Однако не все они были там для того, чтобы стать голосом женщин. На самом деле большинство женщин в парламенте разными способами связаны с могущественными местными милитаристами и другими политическими воротилами и не имеют никакой программы по изменению или совершенствованию законодательства в пользу прав женщин и человека вообще. Лишь считанные выдающиеся голоса раздавались в парламенте в защиту потребностей женщин, в то время как в целом летопись его достижений выглядит весьма бледно... в плане законодательных реформ в поддержку женщин».

51.

«... при ратификации законов, направленных в действительности на дискриминацию...» Согласно определению Human Rights Watch, «этот закон [принятый при администрации Карзая] дает мужу право отказать жене в материальной поддержке, включая пищу, если она отказывается повиноваться его сексуальным требованиям... Он также эффективно позволяет насильнику избежать судебного преследования, уплатив «кровавые деньги» девушке, которую он ранил, насилуя ее». См.: «Afghanistan: Law Curbing Women's Rights Takes Effect – President Karzai Makes Shia Women Second-Class Citizens for Electoral Gain», August 14, 2009, hrw.org.

52.

«... амнистия за военные преступления...» В книге Немат «Афганские женщины на распутье» о законе об амнистии говорится следующее: «Несмотря на то что 27 % парламентских мест занято женщинами, этот парламент одобрил спорный закон об амнистии, призывающий к иммунитету для всех тех, кто участвовал в военное время в нарушении прав человека и прав женщин; одобрил Закон о шиитском персональном статусе, подвергнув шиитских женщин традиционному религиозному контролю, – закон, который впоследствии был пересмотрен и до некоторой степени смягчен; и подчеркнуто не одобрил кандидатуры, представленные президентом на пост министра по делам женщин».

53.

«Крупнейший орган религиозной власти в стране...» Статья Борхана Османа для Afghan Analysts Network под заглавием «The Ulama Council: Paid to Win Public Minds – but Do

They?» (November 5, 2012, afghanistan-analysts.org) объясняет сложную роль Совета улемов в афганской политике и обществе.

54.

«Луи Дюпре описывал это противоречие...» См.: Louis Duprée, *Afghanistan* (Princeton: Oxford University Press, 1973, sixth impression, 2010), p. 104.

55.

«В противном случае мужья имеют абсолютные права на детей...» Орзала Ашраф Немат излагает анализ ситуации с разводами в исламском контексте согласно гражданскому праву Афганистана в работе «Roundtable Conference: Comparative Analysis of Family Law in the Context of Islam», Kabul, August 15–17, 2006, af.boell.org. Афганский Гражданский кодекс предоставляет мужу одностороннее право развестись с женой по любой причине или вообще без причины, в любой момент (статья 135). В дополнение к этому статьи с 236-й по 255-ю афганского Гражданского кодекса регулируют вопросы опеки.

56.

«... девять из десяти афганок сталкиваются с насилием...» Информацию по статистике домашнего насилия в Афганистане см.: «Living with Violence: A National Report on Domestic Abuse in Afghanistan», Global Rights: Partners for Justice, March 2008, globalrights.org. Этот отчет отмечает, что «ошеломительное большинство женщин, 87,2 %, испытали на себе как минимум одну форму физического, сексуального или психологического насилия или вступили в принудительный брак; и большинство (62,0 %) испытывали множественные формы насилия».

57.

«По словам Мары Хвистендаль...» Мара Хвистендаль в своей книге «Неестественный отбор» (*Unnatural Selection: Choosing Boys over Girls, and the Consequences of a World Full of Men*; Public Affairs, 2011) сообщает об абортах плодов женского пола по всей Азии.

58.

«... но в 1980-х Элеонора Галенсон...» Это исследование было представлено в книге Элеоноры Галенсон и Германа Ройфе «Инфантильное происхождение половой идентичности» (*Infantile Origins of Sexual Identity* (New York: International Universities Press, 1981).

59.

«... христианские государства... тоже не признавали насилие в браке...» См. веб-сайты RAINN – Rape, Abuse and Incest National Network, rainn.org, и Rape Crisis, rapecrisis.org.uk/maritalrape2.php (31 января 2014 г.).